

Желли Федорова

Дом на миндальной улице

Almond house

Нелли Федорова

Дом на миндальной улице

«Автор»

2014

Федорова Н.

Дом на миндальной улице / Н. Федорова — «Автор», 2014

Выцветшие письма из запыленной папки, доставшейся случайному читателю, открывают путь в прошлое. Старинный особняк, запах давно увядших цветов, стопки исписанных листов и газетные вырезки – вот все, что осталось от некогда живого человека. Принадлежавшие разным владельцам, эти артефакты постепенно складываются в цельную картину, в центре которой – образ убитой девушки. И хотя детали противоречивы и стерты временем, становятся ясными мотивы хладнокровного убийства, совершенного 500 лет назад. Но даже спустя столько времени, отголоски этой истории хранятся в преданиях и все еще вызывают интерес. Известно лишь о возмутительных поступках погибшей, всколыхнувших общество. Но что именно она совершила? Это предстоит узнать из старых писем, но есть ли хоть в одном из них подлинный образ той, что вышивала ирисы?

© Федорова Н., 2014

© Автор, 2014

Содержание

От автора	5
Дом на миндальной улице	6
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Нелли Федорова

Дом на миндальной улице

От автора

Изначально эта книга не предназначалась для широкого круга читателей и была надолго убрана в стол. Слишком личная, полная мелких, позаимствованных из впечатлений жаркого и грозового лета 2009-го года, узко специфичная – как сложно протянуть ее кому-то и объяснить те сотни вопросов, что сразу возникают. Но, перечитывая излюбленные эпизоды, я все сильнее ощущала, что книга живет своей собственной жизнью. Соскользнув с моих рук, она уже не принадлежала мне. И ей удалось найти и расположить к себе множество замечательных и необычных людей, которые изо всех сил помогли «Миндальному Дому» обрести новую жизнь. Сейчас книга собирается с силами, чтобы уйти в мир, но все же ее подлинное становление и жизнь – не в печатных страницах и не электронных копиях, а в тех сердцах, что дали ей приют и, каждое, свой личный отклик.

Мне бы хотелось выразить свою благодарность тем, кто вслед за мной работал и трудился над этой книгой – моим бета-ридерам Катерине и Татьяне, группе поддержки в лице Максалины, Ани и Лерочки, а также всем тем, кто так или иначе поддерживал меня в трудные минуты.

Дом на миндальной улице

Ехать в Эос я не хотел. Он представлялся мне большой деревней, где на каждом углу попрошайничают цыгане, развалы рынков смердят рыбной тухлятиной, а неграмотные жители говорят с вульгарным акцентом богом забытой провинции. И если бы не строгий приказ отца, имевшего в Эосе торгового партнера, я никогда не поехал бы туда по своему желанию.

Конечно же, все оказалось иначе, чем я рисовал себе в своих обиженных мечтах. Вместо рыбных свалок я увидел низкие, с остроконечными крышами домики, увитые диким виноградом, с уютными внутренними двориками, где благоухал цветущий миндаль. Вместо попрошайек я увидел толпы богато одетого люда, приветливые, улыбчивые лица. А говор на площадях свидетельствовал о том, что здесь, не меньше, чем в других городах, расцветают и торговля, и искусства со всех уголков земли.

Спустя несколько дней я уже любил его. Покончив с делами, в ожидании своего судна я бродил по городу, по его узким улочкам, где домишки лепились друг к другу, поднимаясь по крутым склонам, где на каждом перекрестке били фонтаны и в тени апельсинов играли дети. Я часами сидел в его нетронутых временем уголках, где здания датировались пятым, а то и четвертым веком, и казалось, что окунаешься в иную эру. Порой мне виделось, что вот-вот из распахнутого узкого оконца выглянет закутанная в платки дева, или же на крыльце дома появится слуга в грубой шерстяной тунике с зеленой каймой на рукавах. Да, случалось, эти пахнущие пылью веков картины оживали, но вместо темнокудрой девы и слуги с зелеными рукавами появлялись стайка шумных детишек, женщина с овощной корзиной или мужчина с осликом. Все это были самые обычные, современные лица, в одежде нашего времени, с простой привычной речью и привычным поведением, одним словом – ничем не примечательные персонажи. И я, проживший всю свою короткую на тот момент жизнь в городской суете, среди повседневных дел и обыденных явлений, тянулся к каждому реликту прошлого, каждому камню древней мостовой, которыми я восхищался и смотрел едва ли не с благоговением. Всюду для меня оживали легенды, о которых я только слышал на занятиях по истории, гарцевали на конях закутанные в тоги сенаторы, шествовали затянутые в шелка дамы, и слышалась витиеватая и изысканная речь иных эпох. Увлечшись поисками старины, я отправился на удаленные городские рынки, такие же, как мне верилось, как при Кассии или Юстиниане. Я с удовольствием пробирался в рыночной толкотне, среди повозок, ящиков и клетей, где сидела птица и мелкий скот. Рассматривал потертые временем вывески, навесы и шатры переносных лавочек. Вглядывался в озабоченные, не замечающие меня лица, вдыхал запах пряностей, выпечки и копченостей.

В последний день я оправился проститься с Эосом. Город так полюбился мне, что я не мог избавиться от чувства горечи и досады при мысли о том, что вскоре суета селестийской жизни закружит меня, и унесет прочь от эосской старины, тишины этих уютных площадей, беленых незатейливых домиков, шумных и пестрых рынков. Я обошел все излюбленные места, и напоследок решил дойти до самой окраины, туда, где высился маяк. Я никогда не был в той стороне. Она была застроена богатыми особнячками знати, все зданиями новыми, и интереса к ним я не испытывал. Но, очутившись там, пожалел, что не уделил этому месту должного внимания.

Моим глазам открылась широкая, уходящая вверх улица, мощеная новой травертиновой плиткой. Вдоль нее стояли раскидистые, усеянные цветами миндальные деревья, роняющие лепестки бело-розовым дождем. Бирюзовое небо, лазоревая синь моря, изумрудная зелень тенистых садов, белоснежные виллы за коваными решетками, ласковая тишь, нарушаемая только шелестом листвы и птичьим щебетанием – все создавало неповторимую атмосферу роскоши и благородного уединения. Я брел по пустой улице мимо пустынных в это время года

дворцов, любуясь пейзажем и пытаясь заглянуть вглубь палисадников в надежде увидеть хоть капельку недоступной мне богатой жизни.

Но едва я увидел этот дом, мысли обо всех прочих испарились из моей головы.

Он стоял чуть в стороне, едва ли не на отшибе. Перед ним была выложенная мозаичной плиткой площадь, высокие, старые, дуплистые деревья. Решеток или ограды не было и можно было подойти чуть ли не к самым дверям, а то и поглядеть на узкие окошки-бойницы первого этажа, плотно закрытые изнутри ставнями. Дом этот был двухэтажным, но узким и высоким, будто ему не хватало места и света, хотя он один и стоял перед площадью. Стены его были изъедены временем, поросли мохом и лишайниками, неизменными спутниками вечности. Высокие верхние окна были заколочены, на разошедшихся рамах пыль и паутина, засорились резные стоки, плесенью и зеленью поросли карнизы. Однако было видно, что за домом тем не менее следят – кое-где виднелись следы недавнего ремонта, подновленная черепица, свежее дерево выступающих балок. И этот дом передавал удивительное романтическое впечатление, какое только может создавать старинный брошенный особняк.

Я стоял перед ним и чувствовал неодолимое желание войти в него, увидеть планировку его комнат, старинную мебель, пахнущие клеем и пылью обои, прикоснуться, понюхать, узнать о нем все, кто жил здесь, ел, спал, встречал друзей, любил, все истории, разворачивавшиеся в его стенах. Ведь дома, подобные этому, просто обязаны иметь историю. И когда я шел назад, дом с его возможными тайнами и историями волновал меня безмерно.

Долго наводить справки не пришлось. Мой попутчик, торговец как и я, с которым я случайно разговорился в дороге, рассказал мне, что с этим домом в самом деле связана одна старинная легенда. Вот что он мне рассказал:

– Эту историю знает каждый ребенок в Эосе. Никто не поручится, что это не рыбацкая сказка и в ней есть хоть что-то правдоподобное. Говорят, что случилось это лет пятьсот назад, хотя кто знает это наверняка? Считается, что дом этот выкупил у разорившихся господ один влиятельный селестийский вельможа для своей любимой. Народ полагает, что этот вельможа даже является любимым героем селестийских преданий по имени Ястреб. (Признаюсь, я сам в детстве много читал о нем, и всегда сожалел, что этот обаятельный храбрец-войка никогда не существовал на самом деле. Девушку же эосское поверье называет не иначе как воплощением лесной богини Минолли). В любом случае, история была такова, что девушку насильно выдали замуж за старого, ворчливого богача. Страдая от одиночества и строгости ревнивого скупердя-мужа, красавица Минолли случайно встречает Ястреба и завязывается нежная и трепетная любовь. Возлюбленный крадет ее из мрачного дворца ее супруга и увозит в Эос, где влюбленные живут в уединении и идиллии. Он покупает для нее на рынке сливы, под ее окнами цыганский табор днем и ночью поет свои дикие песни, играет гитара. А девушка сидит на окне, глядя на город и вышивая ирисы. Но счастье не длится вечно, и ревнивый рогоносец находит беглянку и подсылает к ней убийцу. Находящийся в отлучке Ястреб никак не может помешать ему и появляется слишком поздно. В отчаянии он жестоко мстит убийцам любимой и затем до самой своей смерти скрывается от закона на пиратских стоянках вдали от мира.

Трогательная история запала в мою невинную и чувствительную душу. До самого моего прибытия в мечтах мне рисовался мой детский герой и его возлюбленная, отдыхающие у раскрытого в жаркую летнюю ночь окна. То и дело представлялся утопающий в зелени и цветущих миндалях дом, снующая под окнами толпа в старинных костюмах, притаившийся за дверью жестокий убийца, не ведущая об опасности беззащитная девушка, скорбящий над ее истерзанным телом возлюбленный... Я потерял сон, греза о далеком эосском особнячке, и единственным выходом вновь успокоить себя мне казалось только одно – разыскать нынешнего хозяина дома и попытаться выкупить его. Так что нет ничего удивительного в том, что сразу по прибытии я отправился на его поиски.

Его имя мне ничего не говорило. Несмотря на то, что контора моего отца была одной из крупнейших в Селестиде, счетные книги сказали мне, что он не вел с нами дел. Так же как и с другими известными конторами, представители которых лишь пожимали плечами, когда я заговаривал о нем. На мой запрос в министерство пришел лаконичный ответ, что данное лицо намеренно скрыло свой адрес и личные данные. Одним словом, время шло, и я все более отчаивался узнать о таинственном владельце сокровища хоть что-либо. И вот когда я уже совсем потерял надежду, вернувшись домой после длинного и суматошного дня, я обнаружил на своем прикроватном столике письмо.

Дорогой конверт, гербовая печать, какой пользовались разве что лица самого высокого чина. Тонкая, шелковистая на ощупь бумага, удивительный легкий почерк, гладкий и ровный, будто его обладатель долго и тщательно овладевал мастерством каллиграфии. Необычно было встретить такой в наше время, когда это изысканное искусство практически умерло и сохранилось лишь у единиц аристократических родов как анахронизм и признак утонченного вкуса. Просто бросив беглый взгляд на это письмо, я понял, что столкнулся с представителем столь высокого класса, что от возможных вариантов у меня закружилась голова, и одновременно упало сердце – такой вельможа точно не продаст мне дом с миндальной улицы.

Приглашение посетить незнакомца в один из воскресных дней я принял сразу же, и не раздумывая. Мне не терпелось его увидеть. Поглощенный мечтами о доме и его обитателях, я представлял себе его хозяина потомком того влюбленного, Ястреба, и какой-нибудь смуглой островитянки. Или же сердился на него, воображая его сыном какого-нибудь богача, отнявшего у Ястреба последнее воспоминание о его любимой... Одним словом, я парил в мечтах, забросив свои дела и друзей. И когда назначенный день настал, я не мог прийти в себя от волнения.

Экипаж привез меня к воротам небольшого дома, расположенного на одной из оживленных улочек Авестума, торгового района Селестиды. Я часто бывал здесь и неоднократно видел этот простой, серый, каменный дом, но мне никогда не приходило в голову, что он может принадлежать родовитому человеку. Да и странно – что за человек захочет селиться вблизи торговых рядов, шумихи и толкотни? Слуга провел меня вначале сквозь просторный и уютный холл, затем вверх по лестнице, после чего мы оказались в светлом коридоре, где слуга постучал в дверь кабинета и затем впустил меня внутрь. Я немного замешкался на пороге. Несмотря на внушительные доходы нашей конторы и почтенную клиентуру, мне никогда не приходилось бывать в столь роскошной обстановке – все комнаты поразили меня выдержанностью стиля, мягкой цветовой гаммой, приглушенным, рассеянным светом. Сразу бросалось в глаза, что здесь живет человек, привыкший к богатству как к естественному спутнику его жизни, но при этом избегает излишков и помпезности. Все здесь было на своих местах, в должной мере, имело свое значение. Строгий порядок свидетельствовал об устоявшихся привычках и организованности владельца. Одним словом, тот, кого мне предстояло увидеть, был человеком неординарным.

Шагнув в кабинет, я оказался в маленькой, чрезвычайно уютной комнате, и до сих пор жалею, что, торопясь увидеться с хозяином, не рассмотрел ее в деталях. Мне она представляется сейчас полной мебели под старину – с резными, золочеными книжными шкафами, с витражными прозрачными дверками. Столиками, инкрустированными дорогими породами дерева. Были там несколько кресел, обитых расшитым ирисами шелком, с кистями, бахромой, вычурными подлокотниками. Был погашенный мраморный камин, с полной полочкой каких-то редкостных иноземных безделушек, рисунков в рамках и цветочной вазой, где стоял букет бордовых хризантем. Над камином висел темный, подпорченный временем групповой портрет в простой деревянной раме – от яркого света, лившегося сквозь три высоких окна, масло бликовало, и мне никак не удавалось рассмотреть лица, а только все застенчиво сомкнутые руки

и детали богатых старинных платьев. Сам хозяин в ту минуту стоял у окна, прислонившись к тяжелой зеленой гардине, убранной насколько возможно и притянутой к золоченой бляхе тяжелыми витыми шнурами с массивными плетеными кистями. С улицы доносился шум повозок, конское ржание, крики торговцев с площади, извечная какофония живого города.

Он обернулся, и я не мог сдержать удивления – на вид мы с ним были одного возраста, только он был выше и стройнее, безупречно и со вкусом одет. Легкая походка, непринужденная, обаятельная улыбка – он двинулся мне навстречу, пожал руку, говоря слова приветствия. Заговорил быстро, плавно и легко, извиняясь, что заставил так долго себя искать, поскольку был в разъездах по делам... Я слушал его с легкой завистью – надо было родиться аристократом, чтобы иметь такие безукоризненные манеры, столько умения нравиться, так, что буквально через пару минут беседы с ним я испытывал к нему радушие и нежность как к давнему другу. Единственное, что смутило меня, так это его взгляд – внимательный, пронизывающий насквозь, ошеломляющий своей прямоотой. Что-то было в его зеленых кошачьих глазах такое, что заставляло душу замирать, но в то же время некий магнетизм не позволял оторваться от них, как от взора дикого тигра или волка. Похоже, он знал об этом их удивительном свойстве, поскольку в продолжении беседы часто отводил взгляд на посторонние предметы. И все же, каждый раз, как он обращал ко мне свои странные всезнающие глаза, меня словно пронзало молнией, и я совершенно терялся.

Усадив меня в одно из кресел, он предложил закурить. Затем пустил дым колечками и, потянувшись, спросил меня, немного растягивая слова: «Так что же вас заинтересовало, что вы искали меня?» Я смутился, поскольку сразу забыл все свои подготовительные речи и замямлил: «Ну... это... Я был по делам в Эосе, вот... Я там гулял... Там такие красивые улицы, я люблю все старинное, еще с тех пор как обучался в этом... университете, вот». Он как-то по-кошачьи улыбнулся, не сводя с меня глаз, так что я совсем смешался. И разволновался еще сильнее: «Я там видел дом, такой красивый дом в миндалях, вот... И это, ну... я захотел его купить, вот... потому что он такой старый и... и...» «Романтичный,» – с еще более хитрой улыбкой подсказал мне он, сделав жест рукой. «Ну да..., – подхватил я, краснея. – Мне рассказали такую замечательную историю, наверняка это все сказка, но мне хотелось бы верить, вот... И девушка... это так трогательно... у меня еще не было девушки», – зачем-то сказал я и покраснел как рак.

Он беззлобно рассмеялся, затянулся и недолго смотрел, как дым тает в воздухе. «Вам всегда кажется, будто старина есть что-то романтическое, даже сказочное, – заговорил он, и его голос звучал приглушенно и чуть хрипло. – Как будто все, кто жили в прошлом, были созданы лишь для того, чтобы щеголять в длинной одежде, говорить вычурные вещи, покрасоваться на приемах и умереть где-нибудь роковым и случайным образом», – усмешка в никуда. – «Время стирает память о повседневности, размыкает детали, оставляя какое-то очарование, не так ли?» – взгляд на меня, любопытный, ироничный, интригующий. Я покивал головой, не очень понимая, к чему он клонит. Отвел глаза и невольно залюбовался его рукой, державшей толстую дорогую сигару с удивительным изяществом. Дым плавал в воздухе шелковым облаком, пряный и сладковатый, голова начинала кружиться. «Я не могу продать вам дом с миндальной улицы, – ласково ответил он, но я не почувствовал разочарования, витая в полудремотном оцепенении. – Я бы без тени сожаления отдал его вам, поскольку вы, как никто другой смогли бы должным образом оценить его. Но для меня это больше, нежели старый дом, – дым вновь сорвался с его губ и потек, как утренний туман или легкое облачко. – Возможно, мне удастся сгладить отказ, а вы лучше поймете меня – я покажу вам кое-что». Он поднялся и, открыв дверцу книжного шкафа, недолго думал, затем опустил на колени и стал перебирать в нижнем ящике какие-то бумаги. Должно быть, в его сигарах было какое-то дурманящее вещество, поскольку я совершенно расслабился и чувствовал себя будто дома, хотя по природе я человек весьма застенчивый и очень стеснительный. Инкрустированные столики были мне

родными, будто я видел их уже много лет и привык к ним. Грубо вырезанное чудовище черного дерева на каминной полке приветливо оскалилось мне. Меня не покидало ощущение легкого волшебства, будто я попал в чудесную лавку алхимика. Я с предвкушением чуда глядел на хозяина дома, на его спину и падающие на плечи волны каштановых волос, только сейчас заметил в его левом ухе маленькую серьгу, с какими обычно изображают на картинках пиратов, и какие часто носят мужчины в Эосе.

Он вернулся назад и положил перед собой на кофейный столик плоскую коробку, в каких учащиеся художественной академии носят рисунки. Внутри нее лежало много всякой всячины, причем все вещи простенькие и незамысловатые – коралловые колечки, разноцветная фенечка, стопка набросков углем – лошади и позы торгующих на рынке. Вытертый альбом с засушенными цветами и листьями, завязанный выцветшей некогда голубой лентой. Видимо, принадлежавшая ребенку тетрадь, разрисованная неуклюжими зверюшками, цветами, птичками и сердечками. Среди завитков я видел надпись таким витиеватым почерком, что не разобрал, но зато ясно прочел год, стоявший скромно в углу – 859. Пока мой собеседник выкладывал аккуратно стопки листов, я вновь тщательно присмотрелся к тетрадке, а потом оглядел весь стол и вещицы из коробки – так им около пятисот лет? А они не выглядели так. В лучшем случае я бы сказал, что они принадлежали отцу или деду этого молодого человека, но потом я вновь увидел на одном из альбомов дату – уже 861 год. И больше не сомневался. Глаза мои загорелись, фантазия заработала с утроенной силой. Тем временем хозяин извлек и бережно положил на стол сначала стеклянную коробочку, затем – толстую кожаную папку, после чего старательно и не менее осторожно убрал все лишнее обратно в коробку.

В стекле, приглядевшись, я увидел полинявшую, лишь местами сохранившую цвет вышивку. Золотые нити, толстые шерстяные бордовые, нежные тонкие лиловые узелки. Ирисы. Не окончена.

Вышивка так же отправилась в коробку.

На коленях юноши осталась папка. Тяжелая, с коваными уголками, истертая, местами прорвавшаяся и бережно подшита блестящей ниткой. Трещины, разошедшаяся в труху и кое-где свившаяся лоскутками кожа. Зашнурована на плотный новый шнур. «Здесь не так уж и много, – сказал он, поглаживая папку, как задремавшего кота, – но чужой почерк трудно разбирать. Боюсь, вам понадобится время, поэтому, если пожелаете, можете остаться у меня на несколько дней, – затем внимательно посмотрел мне в глаза тем пронзительным острым взглядом и с лукавой всезнающей улыбкой прибавил. – Вас это заинтересует».

Конечно же, его предложение я принял. Не мог не принять. Мне не терпелось узнать, что там, в этой папке. Но ее он мне отдал позже, после ужина, во время которого в придачу к тонким винам и лакомой еде развлекал меня светской беседой, очаровывая меня все больше. Впоследствии мы подружились, и я часто бывал не только в его скромном домике в Селестиде, но и на роскошной вилле у моря. Я узнал этого человека настолько, насколько он мне позволил, так же, как тогда, в самом начале, лишь приподнял завесу над давнишней полузабытой историей, превратившейся в сказку.

(Рисунок. Карандаш, плотная ровная бумага, от времени принявшая изжелта-кофейный оттенок, потрепанные края аккуратно убраны в новую бумажную рамку. Ровные, четкие штрихи, косой наклон, выполнено в академическом духе, тщательно прорисованы детали, но присутствует некоторая застылость фигур. Интерьер гостиной. У стола стоит мужчина – высокий, лишь начинающий полнеть. Густые волосы на проборе, широкое лицо, мягкие черты лица, потерянная и рассеянная улыбка, открытый взгляд. Он в домашнем платье, заботливо передана светотень, рисунок из гвоздик на ткани, на поясе кушак, как носили богатые эосские дворяне, с кистями и бахромой. Возле стола на высоком резном стуле изображена женщина. Худое болезненное лицо, длинные темные, блестящие волосы, отрешенный и задумчи-

вый взгляд, на приоткрытых губах обращенная вовнутрь улыбка. Образ не столь красивый, сколько трогательный своей мягкостью и кротостью. Простое платье, застегнутое у горла, узкие рукава по моде, небрежно наброшенная и ниспадающая до земли накидка. На ее коленях сидит ребенок. Девочка лет десяти. Непоседливость и незаинтересованность процессом рисования переданы идеально. Едва касается коленом колен матери, будто уже готова убежать, вполоборота к художнику, немного хмурое лицо, полные щеки, длинная коса, строгий и внимательный взгляд чуть исподлобья. В углу смазанная размашистая роспись художника (Лукиан). Подпись – Эней и Кармина (неразборчиво). Их дочь Леонелл. Год 853.)

(Рисунок Лукиана. Тот же почерк и стиль. Бумага тонкая, наклеенная на плотный картон, но все равно прорванная в нескольких местах. Вид летнего сада, слабо обозначенные деревья на заднем фоне. Впереди – три женские фигуры. Две молодые девушки сидят на скамейке. Одна из них держит в руках букетик цветов и с улыбкой смотрит на художника. Лицо круглое, румяное, черты лица крупноваты, глаза немного навывкате, взгляд честный и несколько наивный. Длинные светлые волосы убраны под косынку, платье свободного покроя, плечи укрыты платком или мантильей. Другая девушка сидит рядом, положив руки на колени, прямая, как языческая богиня, голова высокомерно запрокинута, взгляд резкий и насмешливый, на губах легкая презрительная усмешка. Темные волосы вьются и, заколотые гребнем на затылке, свободно падают на плечи, так же накрытые вышитым ирисами платком. Позади девушек, опираясь на зонтик от солнца, стоит худощавая женщина лет сорока, закутанная в длинные бесформенные одеяния сверху донизу – горло обвязано тяжелым бахромчатым шарфом, подколота сбоку юбка ниспадает до земли, руки, мужеские, костистые под широкими рукавами убраны в тонкие кружевные перчатки. Даже волосы скрыты под платком так, что не видно ни единой пряди. Лицо узкое, с крупным носом, полными губами, вид отрешенный, несколько надменный. Глаза слегка навывкате полуприкрыты, будто она разглядывает нечто у своих ног. В углу размашистая роспись художника (Лукиан). Подпись другим почерком – Леонелл и Паулина, Маргарита N, кастелянша (угол поврежден). Год 860.)

(Из опубликованных воспоминаний Паулины N, баронессы Северного Ариэля. Год 902.)

«Мое детство неразрывно связано с Эосом, с его умытыми дождем склонами гор, с ревущим неистовым морем. С весенними полями, полными цветущих маков, и табунами диких лошадей. Я с удовольствием вспоминаю его, хоть и последующая моя жизнь, на мой взгляд, была весьма счастливой. Я родилась в одном из отдаленных и диких его уголков, и всегда считала себя жителем деревни, этаким крепкой и здоровой деревенской девчонкой, в противовес неженкам из города. Я умела распознавать птичьи голоса и различные травы, в лесу я была своей, и ко мне приходили дикие животные. Я была истинным дитем природы и едва ли не до совершеннолетия верила, что меня принесли моей матери лесные феи. Зимой мы с моими тетусками Седной и Маргаритой жили в нашем сельском доме, а на лето уезжали к морю, к одной из дальних родственниц тетуски Маргариты – Кармине д'F. Там я и познакомилась с Леонелью.

Я не могу представить своей юности без Леонели. Она была моим постоянным спутником и верным другом, мы были близки как родные сестры. На страницах своих дневников я еще не раз упомяну об этой моей милой подруге, не раз всплакну о том, что она так скоро покинула этот мир, так и не познав настоящего счастья. Но обо всем по порядку, я еще расскажу о той цепи злосчастных встреч, так повлиявших на мою бедную подругу. Хотя причины той непримиримости и ожесточенности, роковым образом сказавшихся на ней и приведших к ее смерти, до сих пор остаются для меня загадкой.

Летние поездки всегда были для меня событием. Сейчас, на краю своей зрелости, я, конечно же, вижу, что многое было не таким, каким кажется, но тогда, в детстве, любое маломальское происшествие становилось поводом для восторгов. Я помню, как ждала дня отправления, с каким нетерпением смотрела из окошка экипажа, узнавая пейзаж, ожидая появления того или иного знака, будь то поваленное дерево, причудливая скала или пастушьи домики. Когда я видела, подъезжая, приморские скалы, черные, усеянные птицами, серую ширь моря и силуэт Неллиного дома, сердце мое переполнялось радостью. Я очень любила этот дом, для меня он и сейчас сохранил в памяти прежнее очарование тайны. Мы часами бродили по полуразрушенному временем старому крылу, лазили по карнизам, чердакам, устраивали сокровищницы в руинах и играли в княжон, запертых в заколдованном дворце... Ах, детство! Беззаботная и непоседливая жизнь, столько бездарно потраченного на игры и шалости времени. Сейчас, сама будучи неоднократно матерью, я представляю, как тяжело было со мной тетушке Маргарите, каким непослушным и своенравным ребенком я была. Но тогда мы с Леонелью, по своему детскому эгоизму, нарочно дразнили и смеялись над своими няньками. Бывало, почувствовав свою вину, я садилась за урок или шитье, и Леонель меня уговаривала бросить занятие и сбежать куда-нибудь в дивный и отдаленный уголок старого дома, чтобы поиграть. И все же не любить ее было невозможно. Да и можно было не полюбить это чудесное, обаятельнейшее создание? Все в ней было замечательно, будто в какой волшебной фее – внешне она была очень привлекательным ребенком, которого все норовили потискать (как мне уже впоследствии рассказывали наши общие родственники), а в юности стала еще более хороша собой. Красота ее была даже не столь материальна – от общепринятых стандартов она была далека. Но ее легкость в общении, дружелюбие, веселый нрав располагали к себе людей, позволяли легко заводить друзей. Помню, я порой ревновала ее к ее новым эосским знакомым и часто плакала ночью в подушку, вспоминая наше общее детство. Если бы не те знакомства, изменившие ее взгляды, она стала бы одной из самых ослепительных дам нашего общества, я в этом уверена. Ведь куда там этим светским топорным модницам, грезящим о новых украшениях и платьях, до нее, блестяще образованной, остроумной, читавшей наизусть стихи и едва ли не целые книги! Мой милый друг, как часто я жалела о ней, сидя над детской кроваткой в бессонные ночи, как стремилась всей душой вернуть ее, но лишь мысленно поверяла ей, по привычке, как в старые добрые времена, свои печали и радости. О, никто, как она не мог понимать людей. И никто, теперь я, прожив долгую жизнь, уверена в этом, никто не понимал меня так, как она. Даже, к прискорбию моему, мой ныне покойный супруг, барон Ариэльский, не знал меня так, как знала мое сердце она.

Увы, бумага не может отразить всей моей любви и нежности к Леонели. Да и слог мой не так хорош, как мне казалось раньше. В любом случае, поверьте, что иного такого человечка, как она, более не могло существовать в природе. Да, я сожалею, что более плодотворно не потратила юности, а чаще отдавалась играм с нею, но все же я знаю, что не будь в моей жизни Нелл, мое детство было бы пресным, скучным и наверняка я сама была бы другим человеком. Я поняла это, когда ее не стало. Когда ее дерзкий смех затих навсегда, опустела ее полная друзей, стихов и картин комната, когда все стало серым и пустым. Эта пустота была невыносима и еще раз доказывала то, насколько цельной, насколько многогранной и законченной была ее душа. Меня ужасало ощущение остановившегося времени, а необходимость искать новых знакомых открывала для меня то, какими топорными, черствыми и пустыми кажутся люди по сравнению с ней. Для меня это был самый ужасный период жизни. Боль по Нелл не остывала ни на секунду, хотелось лишь одного – чтобы все оставили меня в покое и позволили предаваться скорби, но обстоятельства требовали действий, и приходилось что-то совершать, и каждое событие подчеркивало мне, как я без нее неполноценна, как привыкла к ее незримой поддержке, как естественно было для меня писать ей, рассказывать о своих тревогах, и как мучительно оди-

ноко мне стало без нее. Я чувствовала себя потерянной, забытой в этом мире, сам мир стал для меня чужим и враждебным. Единственным лекарством было бы найти в нем Нелл. Но ее больше не было, не было! К счастью, именно в ту пору я встретила моего супруга, и наша нежная по-началу лишь дружба немного компенсировала мою утрату и смягчила боль по ушедшей подруге. Самой собой я стала лишь позже, когда стала женой и матерью, и вновь открыла для себя мир, свет, общество. Но об этом позже. Начало моей жизни полностью принадлежит одной Нелл.

Сейчас я не одинока, хоть многие мои друзья уже покинули мир. Меня окружают мои любимые дети, внуки и правнуки. Мой большой дом всегда полон гостей и смеха, и я среди них не чужая. Но что-то во мне меняется. Я становлюсь, наверное, все более сентиментальной и часто предаюсь воспоминаниям, хотя моя жизнь все так же полна и сожалеть мне не о чем. Но все же я часто, сидя в своей огромной, роскошной гостиной, которую создавала своими руками в первые годы своего замужества, среди гостей будто бы вижу ее лицо, ее острый насмешливый взгляд. И жажду вновь обнять ее, услышать ее голос, рассказать ей все, каждый мой день, каждую минуту. Рассказать то, что никогда никому не рассказывала, ведь лишь она одна поняла бы меня. И сейчас, когда я пишу эти мемуары, эту историю моей жизни, я пишу ее отчасти для нее. Мне хотелось бы, чтобы она сейчас сидела вон там, в том большом уютном кресле у окна, по своей привычке глядя на туманные горы. Я верю, что вскоре это осуществится. Я не знаю, сколько мне отведено. Быть может еще день, а может, долгие и долгие годы. Но как бы то ни было, мое сердце согревает вера, что там, за порогом иного мира, я вновь увижу любимые лица. И конечно же ее, милую Леонель».

(Дневник Паулины N, октябрь, год 860)

(Отступление. Этот и другие дневники баронессы, скончавшейся в 904 м году в здравии и трезвом уме, были ею завещаны Фелисии де S, от которой их получил я. Этим двум женщинам, столь разным по характеру и образу жизни, я бесконечно благодарен за их помощь в восстановлении истины и дальнейшем сохранении памяти о Леонель.

Ф.А.)

Как сильное бьется сердце! Немогу поверить, что это случилось только что и что я решилась на такое! Я даже не знаю с чего начать, мысли путаются... Все было так.

Я вышивала в своей комнате. Вдруг прибегает Нелл, вся взволнованная, покрасневшая. Можно было бы подумать что она сейчас заплачет. Но у нее железные нервы, она никогда не плачет, чтобы ни случилось. Наоборот мне показалось, она сейчас взорвется от ярости. Я никогда не видела Нелл такой!

Она заперла дверь и под села ко мне близко-близко. Зашептала чуть ли не в ухо, что я должна ей помочь. Я почти ничего непоняла, Нелл говорила так быстро и так зло. Говорила, что «они» нарочно послали ее погостить у нас дома, чтобы она не узнала чего-то страшного. Я поняла только что она очень пириживает за свою маму. Но когда она приехала ко мне, то сказала, что с ее мамой все в порядке... Впрочем это все оттого что Нелл очень торопилась и говорила путано... Обещала что из дома напишет мне все в подробностях.

Мы дождались, пока тетушки Маргарита и Седна лягут спать и сами притварились, что спим. Но как только вся возня в доме улеглась, мы не медленно поднялись, на скоро оделись. Нелл ничего не взяла с собой. Меня непокидало ощущение какой-то тайны, это было так волнительно! Мы шли по темным коридорам нашего дома, прислушиваясь, чтобы ненаткнуться на случайного слугу, будто какие заговорщики! Вышли в сад. Небо было затянуто облаками, месяца почти не было видно, шумел ветер, да так что деревья шумели какбудто их мучали

привидения! О было так страшно и так здорово! Мы прошли весь сад и вышли через заднюю калитку к полям. И тут я увидела всадника. Он стоял почти незаметный под старой расколотой липой. Когда мы вышли он быстро подъехал к нам легкой рысью, я увидела, что на коне сидит мужчина!!! Я его никогда раньше не видела! Нелл пришикнула на меня что я должна молчать обо всем и утром сказать, что крепко спала, и не слышала, как она ушла. А потом вскачила позади мужчины в седло и они умчались так быстро и безшумно, что я могла бы поклясться что мне это приснилось. Боже! Нелл сбежала! Кто был этот мужчина? Наверное я сегодня не усну! Все как будто в книге какой! Нет, Нелл это чудо какое-то, с ней вечно случаются какие-то романтические вещи. Как ей это только удается? Интересно где она сейчас? Наверное в каком-нибудь заброшенном доме с этим мужчиной... Какбы я хотела это видеть! Я немогу дождаться! Она просто обязана рассказать, каково это!

Бедняжка Нелл... Кто бы мог подумать что все будет так ужасно.... У меня сердце разрывается оттого как она все описывает. Оказывается ее мама действительно серьезно заболела, а Нелл отослала ко мне чтобы она не узнала подробностей. Бедняжка, не представляю что она сейчас чувствует... Не дай Бог когданибудь столкнуться с подобным.

(Письмо Леонель д'F Паулине N, вложенное между страниц дневника последней)

Милая Лина,

Пишу тебе, моему самому любимому другу. Я бы так хотела, чтобы ты была здесь, чтобы я могла тебя обнять и рассказать все, как есть. Но ты так далеко... Выслушай меня, но сохрани все в тайне, а лучше, сожги это письмо, когда прочтешь.

Я представляю, что ты подумала, когда увидела что я уехала с Филиппом. Но я не могла покинуть дом твоей тетушки иначе. Когда мама послала меня к тебе погостить, я не придавала такого значения той поспешности, с какой это произошло. Я так хотела увидеть тебя, милая моя, что совершенно не обратила внимания на многие вещи. Будь я капельку умнее, я бы поняла их смысл и конечно же, осталась бы... но что теперь попишешь... что случилось, того не изменить. Я только молю Богиню, чтобы с мамочкой все было в порядке.

Всадником был наш посыльный, Филипп, он приехал с письмом к тетушке Седне. Ты конечно же помнишь это, ты еще смотрела в окно и восхищалась, какой он хорошенький. Ты наверное не заметила, что его конь еле дышит, весь в пене и пыли. Филипп очень любит своих лошадей, и никогда бы не стал загонять любимца настолько. Значит, случилось что-то действительно серьезное, подумала я. Я сразу же побежала в конюшню, стараясь, чтобы меня никто не увидел, и отозвала Липпу в сторону, стала его расспрашивать. Он долго упирался и пытался даже вывести меня с конюшни, но я упорствовала и тогда он все мне рассказал...

Милая Лина, я никогда никому не рассказывала, но мне казалось, что между мамой и Липпой существовала какая-то тонкая связь. Где была она, там появлялся он, взгляды, жесты – никто другой, конечно, не заметил бы, но я очень хорошо знала маму, и что означают те или иные всполохи в ее глазах. И однажды, лазая в старом крыле, я увидела их прогуливающимися вместе. Я сразу же убежала, чтобы им не помешать, но мама все равно меня увидела. А вечером мы с ней разговаривали. Я многое поняла, многое стало для меня ясно, и то, почему она так часто плакала, и почему у нее всегда такое грустное лицо, и многое еще... Я никогда не знала мою мамочку такой, мне казалось, что, несмотря на отцову степенность и внешнюю холодность, их все же связывают какие-то чувства. Какой же я была душой! Почему я такая дура и никогда не вижу главного? Я ненавижу себя за то, что обвиняла ее в том, что она меня не любит, ненавижу за все те мелкие детские обидки и дурацкие поступки, которыми расстраивала ее! Ненавижу! Если бы я только могла понять все это раньше, я бы каждую минуту угождала ей и выражала бы благодарность за все то, что она ради меня вытерпела и сделала.

И я была рада, что с Липпой она хоть ненадолго смогла быть счастливой, и получила ту заслуженную любовь и радость, которой не могла получить от отца за все эти годы.

Липпа рассказал, что мамой случилось несчастье. Она не боялась, что сможет убедить отца в том, что это его ребенок, но этот ребенок с самого начала причинял ей много хлопот, отчего она все это лето пролежала в своей комнате, не имея сил выйти в сад. И вот... (клякса) ... она, должно быть, почувствовала неладное и потому-то так скоро отправила меня из дому. Сказав это, Липпа помедлил, словно решаясь, можно ли доверять, и, не глядя на меня, сказал, что худшее случилось, и теперь мама в тяжелом состоянии.

Ты понимаешь, что я не могла оставаться здесь ни минуты. Мы сговорились с Липпой и он подождал меня у задней калитки, как тебе уже известно.

К утру мы добрались до дома. Липпа просил меня потом вернуться и рассказать, как себя чувствует мама. Я видела, как ему хотелось отправиться к ней, но он, как слуга, не мог этого сделать. Мне было его ужасно жаль. Я тут же побежала к маме.

Она лежала в своей спальне, невероятно бледная, с запавшими глазами, волосы свалились, лоб покрыт испариной. Она писала письмо, и, когда я вошла, как раз запечатывала. Отдала его служанке и мы остались вдвоем. Я не могу тебе пересказать всего, о чем мы говорили, всех чувств, которые я пережила. Бедная мама, невыносимо было видеть ее такой уничиженной, такой усталой и больной. «Не осуждай меня, – говорила она мне, – потому что трудно противиться любви, и невозможно изменить себе». Но разве могла я осуждать ее? Разве могла я упрекать ее за желание испытать счастье? И теперь она умирала, и никто не мог, или не хотел ей помочь. Она держала меня за руку и утешала, хотя зачем было утешать меня? У меня впереди много рассветов и закатов, а она может не увидеть завтрашний восход! Хотя она заслуживает этого больше, чем я, и будь моя воля, я бы с радостью согласилась оказаться на ее месте. Она говорила мне: «Род моей матери уходит корнями далеко в прошлое, к самым истокам этого края. Много было на роду этом славных деяний, но много было и боли и страданий. И однажды случилось так, что легкомысленная девушка из нашей семьи разгневала некую лесную колдунью. И колдунья прокляла ее и все ее потомство, сказав, что каждая женщина нашего рода будет наделена редкой красотой и талантами, но их обладательнице они не принесут ничего, кроме горя. Нашей жизни многие будут завидовать, но жизнь эта будет чрезмерно кратка, а вслед за смертью придут несчастья, разящие близких.

И сколько я помню, – со вздохом говорила она, – так и было. О прабабке дошли лишь невнятные слухи, что она была весталкой, приехавшей с островов. Пылкая любовь привела к тому, что она нарушила сакральный для их жречества обет невинности. Спасаясь от наказания, которым, как известно, является смерть, она примкнула к цыганам и какое-то время скиталась с ними. Но в одном из городов ее узнали и схватили. Неясно было и то, почему вместе с ней были повешены несколько цыганских девушек. Впрочем иначе вряд ли история какой-то цыганки сохранилась бы в памяти, а бабка была еще мала, чтобы помнить.

Бабка путешествовала вместе с цыганским табором. Мне рассказывали, что в ту пору все песни в придорожных харчевнях пелись лишь о ней. Дерзкий и своенравный характер, совершенная стать, кошачья гибкость... Она пленяла многих, даже слишком многих. И один из влюбленных в нее выкрал ее и увез в свой дом. Он держал ее как узницу, хоть и не жалея сил, чтобы скрасить ее заточение. Чудом ей удалось бежать и вернуться к своим, и тогда она была уже в тягости. Ее вновь обретенная свобода не длилась долго. Этот человек нашел ее, преследовал и, увидев ее с ребенком на руках в обществе одного из мужчин семьи, которого он принял за возлюбленного, приревновал и пришел в ярость. Спустя несколько дней он ворвался в палатку, где ночевала семья, убил бабку, того юношу и едва не зарезал и маленькую маму, когда его схватили. Наутро его повесили на суку осины, и табор двинулся дальше. В одном из ближайших городов осело одно из семейств и в нем-то и воспитывалась моя мать.

К матери судьба была добрее. Приемные родители-цыгане ничем не стесняли ее свободы, позволяя выбрать самой свою судьбу. По меркам того времени и тех суровых нравов это было неслыханным для закоснелого города случаем. Она вышла замуж по любви и они с моим отцом прожили годы благополучно и счастливо, растили меня в согласии и ласке. Но, когда мне не было и десяти лет, она погибла, попав под несущуюся колесницу вельможи. Мы с отцом остались жить вместе.

И на мою долю досталось много песен и славы. Зная историю нашей семьи, я твердо решила не выходить замуж. Я отвергала каждого, кто бы ни приходил. Чтобы отвести женихов, я высмеивала их на площадях, оскорбляла их и заставляла их делать глупости. Но оттого желающих получить меня не становилось меньше. Оставались упертые, упрямые, пораженные любовным недугом, которые исполняли мои желания на лету. Среди них был и твой отец. Не самый богатый, не самый привлекательный, он был каким-то родственником моему отцу и как приехал, так и поселился в нашем доме. Я ненавидела его приставания, его сальные взгляды, когда он садился за стол. Не знаю, с чьей руки поползли слухи, что он мой любовник, но горожане стали неприязненно и косо смотреть на меня. Узнав об этом, я велела отцу выгнать его, и тогда он поселился неподалеку в маленьком домике, и по утрам часто маячил на балконе, пытаясь привлечь мое внимание. А потом случилось это несчастье... Загорелся один из сараев на улице, пламя быстро пожирало деревянные дома. Это случилось ночью, возможно от не потушенной свечи или выскользнувшего уголька... Погибло несколько семей. Моего отца завалило балками и я, кружа вокруг горящих руин, слышала, как он воет от боли, пока не затих навсегда. У меня не осталось ничего, утром я сидела на тлеющих развалинах в одной рубашке и не знала, что же может быть дальше. Жизнь, такая спокойная и налаженная, оборвалась. Я любила отца. Он был весел, добр, часто шутил и пел... Живя вместе, мы так срослись, что без него представить себя я уже не могла. Да ведь я ничего и не умела, кроме как шить и плести кружева от безделья. О, в тот день многие вспомнили мне обиды, а девушки, завидовавшие мне, приходили посмеяться и, издеваясь, кричали мне – неужели наша гордячка Мина станет одаривать красотой нищих, чтобы добыть хлеба? И тогда появился твой отец...

Он вел себя как настоящий рыцарь, убеждал, что сможет позаботиться обо мне, что я могу остаться у него, пока не налажу свою жизнь. Он все просчитал, прекрасно просчитал. Он заваливал меня подарками, покупал самое дорогое и вкусное, постарался разорвать все мои дружеские связи... Одним словом практически утвердил меня в качестве своей жены. Подарки, которые он делал, тяготили меня, ведь я знала, что их нужно будет отдавать. И чем больше он для меня делал, тем тяжелее я себя чувствовала. И наконец, вместе мы прожили не один год, и я привыкла к нему, и мой план о том, чтобы самой встать на ноги и, расплатившись с ним, уйти в свою жизнь, все отдалялся и казался мне все более невыполнимым. Время от времени он просил моей руки, и я неизменно отказывала ему. Но однажды он начал давить на мою вину, на те поступки, которые он совершал для меня, хоть я их и не просила. В ту ночь в своей комнате я плакала и жалела, что не сгорела вместе с отцом и своим прошлым. А наутро я согласилась стать его женой. Он к тому времени стал довольно известен в торговом мире, обзавелся деньгами, мы зажили на широкую ногу и купили это самое имение. Правда, уже тогда жилой была лишь часть дома, и мне так и не удалось восстановить разрушенное крыло и запущенный сад. С тех пор я и не выезжала никуда. И только когда я узнала, что жду ребенка, в памяти всплыла старая история. И чем ближе приходил срок, тем сильнее я мучилась. Я была уверена, что не переживу родов, но больше всего я сожалела о том, что ребенок, которого я ношу, так же обречен разделить эту проклятую судьбу. У меня была лишь одна надежда, что будет мальчик и судьба сжалится над ним. Но родилась ты».

Она многое рассказывала мне в эту ночь, держа меня за руку. Рассказывала каждый свой день, каждую мысль так, будто мы уже не увидимся. Она просила меня никогда не выходить замуж и я поклялась ей в этом. Потом пришли служанки с бинтами и лекарствами. Мне ска-

зали, чтобы я пока отдохнула от дороги, и вот я пишу тебе, пока мне нечем убить время. Извини, что получилось так много, но я сейчас не знаю, что мне делать. И я очень волнуюсь.

Мне еще нужно пробраться к Липпе. Поэтому я целую тебя, милая Лина. Надеюсь, мама скоро поправится и я вернусь к тебе.

Твоя Нелл.»

(Письмо Эней д'F его супруге Кармине, нераспечатанное по причине смерти адресата.)

(Отступление. Эней д'F скоропостижно скончался через два года после смерти Леонелл, получив простуду во время перегона торгового каравана из приморской провинции в центр страны. Болезнь была настолько скорой и тяжелой, что он не сумел оставить завещания или иным способом распорядиться имуществом. Все его внушительное состояние, возросшее за последние два с половиной года, было передано государству. Я же состоял в составе судебных, расследовавших это дело на возможность убийства. За небольшую сумму мне удалось выкупить все личные бумаги и семейные архивы, не имевшие никакой ценности ввиду отсутствия каких-либо заинтересованных в них родственников.

Ф.А.)

Здравствуй, возлюбленная моя госпожа Кармина.

Мне прискорбно слышать тяжелые вести о твоей болезни. Я сожалею, что Господь так скоро взял нашего наследника, о котором мы с тобой столько мечтали. Не печалься, ибо мы должны смиренно переносить нашу долю. Надеюсь, возлюбленная госпожа, что милостивые небеса пошлют нам своего ангела в утешение и твое благодное чрево вскоре возрадуется.

К сожалению, дела не позволяют мне сейчас покинуть Селестида. Увы, но судно, которое должно было доставить в Александрий груз специй и полотна, затонуло в время шторма. Это серьезный урон нашему благосостоянию, ведь я так много средств вложил в эту экспедицию и товары. Если в ближайшее время я не смогу расплатиться с долгами и возместить хотя бы немного от того ущерба, что нанесла нашей семье эта катастрофа, нам придется признать себя банкротами. А это значит, что нам придется продать наши вещи и, может быть, даже имение. Но, к счастью, я ожидаю прибытия Октавиана из Ариэля, его кампания должна принести нам достаточную выгоду. Так же не стоит забывать и об Юстиниане, ты наверное помнишь его, возлюбленная госпожа, еще совсем молодой юноша, но весьма талантливый и с чудесной деловой хваткой. На днях я получил от него письмо с очень выгодной информацией. Это так же должно помочь нам отвоевать пожранное неразумной природой.

Милая моя госпожа Кармина, ты не представляешь глубины моего отчаяния, что в эту минуту я не могу присутствовать подле тебя. Но надеюсь, что ты понимаешь, что все, что я делаю, я делаю ради нашего благополучия. Я желаю тебе скорейшего выздоровления, пусть Господь осенит тебя своей милостью.

Любящий тебя, твой супруг

Эней д'F.

Приписка: Я весьма огорчен твоим желанием лишить Леонеллу супружеского счастья. Я надеялся, что ты подаришь мне большую семью и в моей старости вокруг меня будет резвиться множество милых детишек. Увы, моим мечтам не суждено было осуществиться, и я полагал, Нелл вознаградит меня вдвойне. Мне горестно слышать, что старая глупая сказка в твоих глазах весит много больше пережитого нами блаженства. Что ж, ежели таково твое желание, я беспрекословно подчинюсь ему, хоть мне и печально слышать это.

(Дневник Паулины N ноябрь, год 860)

Сегодня гуляла в лесу. Дошла до старой мельницы. Я очень люблю это место, мне кажется, что там живут феи. Вокруг заброшенного колеса уже разраслись травы и камыши, летом все белое от цветущих кувшинок, а множество бабочек садятся на не большой илистый островок по середине речки. Сейчас конечно уже нетак красиво, деревья пожелтели и облетают, трава пожухла. Но я все-равно люблю это место.

После обеда мы с тетужкой Ритой играли на лютне. Ее чтото беспокоит, а раз я слышала, как она говорила тетужке Седне, чтото про семью Нелл.

Нелл мне совсем непишет. Прошло уже больше недели с того письма. Надеюсь с ее мамой все в порядке. Да, когда ты читаешь о таких вещах в книжках, это одно и совсем другое – когда чтото подобное происходит с твоими близкими. Например раньше мне казалось, что уж если ты вышла замуж, то все должно быть хорошо. Мы с Нелл часто говорили об этом. Нужно все силы отдавать семье, заботиться о муже и о детях как о себе... Это все так идеально... А если выполнять обязанности не приятно? Нам же не нравится слушать, когда тетужке Рите приспичит почитать морали, хоть мы и обязаны это делать. Что тогда? Пытка до конца дней? А если муж окажется не приятным человеком? Ведь он необязан оказаться таким, как мы мечтаем. А если он незахочет выполнять свои обязанности так же как мы? Ведь тогда и самой семьи небудет... Но ведь невыйти замуж нельзя. Это традиция, пусть глупая и ненужная, но все так делают и вряд ли есть возможность избежать этого. Ну разве что стать такими как тетужка Рита, на которой никто не женился, потому что жениться на тетужке Рите – ну это лучше сразу прыгнуть в чан с кипятком.

Весь день идет дождь. Читаю книгу которую дала тетужка Рита. Кто только пишет такие занудные книги? Наверное тетужка Рита решила выдать меня замуж, иначе несталабы подсовывать мне такие дурацкие книжки о правилах поведения жены и матери. «Если вы стали матерью...» – вот прям шла-шла на кухню, и вдруг – бамс! – и я мать! Ой, что делать? Конечно, читать «Кодекс правил...»!!! Почему здесь нет Нелл? Тогда бы мне непришлось изображать из себя дурочку, увлеченную «Кодексом правил...» Мне кажется тетужка Рита побаивается Нелл, и поэтому ничего неможет поделать, когда мы делаем все не так как она хочет. Она и меня недопекает так когда Нелл рядом.

«Если ребенок рождается попкой вперед...» – может быть тетужка Рита сама нечитала эту ужасную книгу? Тут так красочно описывается, как он рождается и что надо делать, но при этом ни дай Бог на прогулке у тебя развяжится чулок и ты припаднишь юбку его поправить! А уж если ты скажешь слово «жопа», то тетужку Риту кондрашка схватит. Почему нельзя говорить «жопа»? Есть слова на много хуже и отвратительнее, например, «убийство», «обман».

Сегодня пришло письмо от Нелл. Ее мама умерла. Вот почему она так долго неотвечала. В письме она сказала что скоро приедет ко мне. Я незнаю что делать. Мне еще неприходилось иметь дело с кемто в таком горе и я незнаю, как бы необидеть ее случайно. Как все грустно...

Почему меня никто нелюбит? Ведь я уже давно не ребенок! Время все идет и идет, я становлюсь старше, а любовь все неприходит? Многие девочки ище раньше моего начинают гулять с парнями и навирника уже давно поцеловалесь, а я даже незнаю, как это. Почему мне так невезет? Они совсем необращают на меня вниманя, даже когда мы все вместе играем во дворе, они выбирают других девочек, а я всегда остаюсь одна, или они делают это из адалженея. А ведь я лудше их, я и красивые, и умнее, я пишу истории, а те девочки навирника неумеют писать вообще. Прашло ище одно лето, и ничиво неизменилось... Тетужки только хвастаются что у них много ротствинников, а приизжают только всякие старухи и их чванливые девчонки,

и никогда не приизжают парни. Впрочем если и приизжают, тетушка Рита всегда ведет себя так, чтобы они ко мне вообще не подходили. Канешна же так я никогда не испытаю любовь...

Нелл приехала. Вид у нее ужасный но ее можно понять. Впрочем она как всегда удивляет меня. Я думала что она будет подавлена или грустная, а вместо этого она зла, как тигр. Сразу прошла в свою комнату, заперлась. Я боюсь идти к ней. Ее отец разговаривает с тетушками в гостиной. У него такой подавленный и растерянный вид. Наверное мне лучше пойти погулять, чтобы никому не мешаться. Знаю Нелл – еще грянет буря!

Когда я вернулась с прогулки, тетушки уже ждали меня. Тетушка Рита сказала что для того чтобы смягчить боль утраты, господин Эней хочет увезти Нелл в Эос и там заняться ее будущим. Он очень разбит смертью госпожи Кармины и вся его нежность теперь сосредоточилась на Нелл – так объяснила тетушка Седна. Но чтобы Нелл не грустила они предлагают мне сопровождать ее в поездке. Мне даже не верится! Не ужели я поеду в Эос? Конечно было бы лучше если бы тетушка Рита неехала с нами – она на верняка постарается испортить нам с Нелл все лучшие моменты. Но все равно это так здорово – оказаться в столице, где так много молодых и красивых юношей, не то, что в нашем захолустье! В нас с Нелл обязательно влюбятся два молодых дворян – ах, вот здорово, если бы они оказались близницами! Они будут писать нам письма, а мы с Нелл будем тайком передовать их друг другу!!!

Главное чтобы Нелл поскорее утешилась. Мне больно видеть ее такой.

Но мне надо идти собираться и проведать Нелл – мы с ней еще не успели даже словом перекинуться. Так что, милый дневник, до скорого!

(Письмо Маргариты, кастелянши N, к Августе Сильвии, 16 ноября, год 860)

(Отступление. История этих писем оказалась долгой и причудливой. Августа Сильвия, мелкая провинциальная дворянка, была детским другом кастелянши Маргариты. Их матери так же дружили между собой, поэтому неудивительно, что у них была вначале одна кормилица, а затем их обучал один и тот же учитель. Августу Сильвию рано выдали замуж, и она уехала в дальний эосский уголок в дом своего мужа. Кастелянша Маргарита так никогда и не вышла замуж. Близким, в частности, своей сестре Седне, она объясняла это своей высокой добродетелью и скромностью. Впрочем, мне приходилось с ней встречаться, и мне больше кажется, что виной тому ее склочный и непреклонный характер. Что касается писем кастелянши, то они пролежали в письменном ящичке Августы Сильвии с того дня больше четверти века, пережив своего адресата, которая была уже немолода и к тому же слаба здоровьем. Многочисленные дети, чей выводок едва уместился в довольно скромном жилище, не замедлили занять комнату матери, едва она испустила дух. Все ее вещи, которые не приглянулись новым обитателям комнаты, перекочевали на чердак. И лишь спустя лет двадцать ее юные правнуки, играя на чердаке, нашли эту лаковую шкатулку и, желая взломать ее хитрый замок, принесли ее в дом. Их родители, мельком проглядев зажелтевшую и пыльную переписку, решили, что она не имеет никакой ценности, и вернули ее владельцам. Письма принял один из внуков баронессы Паулины. Он так же не знал, что с ними делать, фамилия госпожи Маргариты не говорила ему ничего, хотя принесшие их настаивали, что женищина эта является ему какой-то родственницей. Другие из его фамилии так же не признали покойную кастеляншу. И только спустя добрых два года кто-то случайно показал эти письма самой баронессе Паулине. Я представляю ее изумление, когда она увидела их. Мы с ней поддерживали дружеские связи все это время, и она написала мне тогда письмо, где рассказывала, как неприятно ей было перечитать их. «Я никогда б не подумала, что тетушка Рита на самом деле так ненавидела Нелл, – цитирую ее письмо. – Я была уверена, что она злится на нее в шутку. Ведь на Нелл нельзя было злиться – такое это было милое дитя. Впрочем, даже подруга тетушки

Риты в своих обратных письмах не раз писала ей, что не верит, чтобы ребенок (о, мы все для них были еще детьми, подумать только!) мог быть настолько злым и испорченным. Я сама никогда не видела этой дамы, Августы Сильвии, но мне она представляется весьма приятной женщиной. Я была поражена, узнав, какое количество детей она сумела вырастить и прекрасно воспитать. Поэтому я склонна думать, милый мой друг, что она хорошо разбиралась в детях». Сам же лично я смог ознакомиться с ними уже после смерти баронессы, когда по ее завещанию они перешли Фелисии, а затем мне. Впрочем, к тому моменту от доброй полусотни писем уцелело не больше десятка – лишь баронесса Паулина сумела позаботиться о них должным образом. Остальные же не считались со старыми бумажками и позволили большинству писем бесследно пропасть, послужить бумагой для растопки или обертки продуктов. Вот так, жестоко и совершенно естественно истиралась и вымарывалась из живой жизни память об ушедшем человеке. Так некогда волнующие и тревожащие мысли были оценены как старинный хлам и исчезали в небытие, весело потрескивая в пламени каминов, согревающих живых.

Ф.А.)

Здравствуй, дорогая Августа.

Как твои дела? Как поживает маленький Септимий? Надеюсь он поправился от лихорадки? Как ты только успеваешь за ними всеми следить? Я тебе порожаюсь! Да, удивительно видеть в это время такую удивительную женщину как ты. Столько детей, и ты каждого успеваешь обслужить! Сейчас все стримитильно катится в пропасть, и женщины измельчали и опустились. Совершенно забыли и стыд, и приличия, и традиции!

А помнишь, как было в наше время? Конечно и тогда были похатливые кошки вроде Мирины, но в целом общество не было таким гнусным и развратным. А сейчас я чем больше смотрю, тем больше меня возмущает, что все стремится к тому, чтобы выставить свою стыдобу напоказ. Ты не поверишь, дорогая, но я слышала, некоторые даже кичатся тем, что совершают совакупление. И чем больше они это делают, тем больше хотят, чтобы их ценили за это. Мне пришлось на днях уволить одну такую девку из своего дома. Помнишь, я рассказывала тебе о ней – это та самая Помпея, которая так чудесно готовила мне по утрам кофе. Мне так трудно было это сделать, я привыкла к ней и никто неумел готовить так хорошо, как она. Но знаешь, она ведь пол-года как вышла замуж, и все у нее не было детей. Я спросила ее, отчего так, может быть, мне следовало бы дать ей денег, чтобы она съездила отдохнуть и поправила свое женское здоровье. А представляешь... ох, мне даже написать это стыдно! Эта мерзавка, не таясь, рассказала мне, что нарочно пользуется ведьминским отваром, поскольку, видители, ей еще хочется пожить в свое удовольствие! И как только ее муженек не избил ее за такие слова? Впрочем, он такая размазня, что неудивительно, как согласился на это. И я ее уволила. Клавдия готовит кофе на много хуже Помпеи, но я должна была показать своим служанкам, что в моем доме будут служить только благоразумные и добродетельные девушки.

Ах, Августа, у меня такое горе! Вдобавок к этому ужастному кофе... Неделью назад скандалась Кармина, та самая приبلуда. Представляешь, ее муженек, он всегда был такой тряпкой, таким не собранным, таким безответственным, что даже не прислал не то, что бы приглашение на похороны, но и самого известия о ее смерти! И тут приезжают они оба – он и его дочка, и сообщает, что вот, мол, умерла Кармина, все скорбят и так далее... Я хотела было ему высказать, что так дела не делаются, но что ему, дураку, объяснять? Все равно так туп, что не поймет ни чего.

Нет, ты не подумай, что я собираюсь скорбеть по ней. Она никогда мне не нравилась, и ты знаешь, что я всегда стыдилась, что она является в какой-то мере моей родственницей, хоть и очень дальней. Сама такая же безответственная, как и ее муж. Вульгарна до мозга костей. Впрочем, что можно взять от дочки купчишки, да еще такой, какая сама по своей воле неза-

мужней пять лет жила под одной крышей с мужчиной? И только потом, видимо, для сокрытия стыда, вышла за него. Нет, дорогая, горе мое заключается в том, что... Я так возмущена, что не смогу даже объяснить это!

Одним словом, приехал Эней со своей дочкой и говорит, мол, вот теперь у него никого неосталось и Нелька у него единственное счастье... Ну ты знаешь, каким балтливый может быть этот обармот. в общем, собрался он ехать в Эос, пристраивать свою дуреху, и заодно предложил и нашу взять с собой. Я только, конечно за – ведь нельзя всю жизнь держать на своей шее Паулину? Она и без того туповата, и не немного, а на всю голову. Одни сказочки в уме и поигрушки, а все из-за этой кошкиной дочки Нелл! Конечно же, я согласилась – чем быстрее наша найдет себе мужика, тем скорее мозги поправит. Да и не придется вечно за ней ходить, как за маленьким ребенком. Но мне придется тоже ехать с ними!

Нет, я конечно могла бы отказаться... Но ведь тогда этот нытик начал бы обвинять меня в жестокосердии и так далее... Да и отпускать нашу дуреху, которой кто хочет, тот и верти, с такой прощандовкой, как Нелька – это значит, что они там пустяться во все тяжкие... В общем, посочувствуй мне, дорогая. Придется мне поехать туда. И терпеть эту мерзавку и ее пакости. Как же я ненавижу ее! Настолько избалованный, испорченный, распущенный ребенок, самый мерзкий ребенок, что мне только доводилось видеть. Ты бы знала, с каким презрением эта мерзавка все время смотрит на меня, как дерзко и грубо отвечает. Будь я ее матерью, я бы приподала ей несколько хороших уроков! Она еще в детстве была такой же нахалкой – ни слова почтения, мать ей ни привила ни каких хороших манер, не послушная, грубая, шумная. Все время смеется в голос, как публичная девка. Но тогда она была ребенком и еще можно было сносить это. Но сейчас она уже давно не ребенок, а продолжает вести себя так же, но все более изощренно, все более подло придумывает, как бы ей высказать свою злобу на все, что непохоже на нее. Ничего, мое сердце возрадуется, когда она выйдет замуж. Надеюсь, Эней подыщет ей такого мужа, какой бы выдриссировал ее и показал ей ее настоящее место!

Ох, Августа, дорогая, от всех этих переживаний у меня начинает болеть сердце! А мне еще нужно заставить свою дуреху собрать вещи и проследить, чтобы она ни чего не забыла. Так что я тебя целую, дорогая.

До скорой встречи, твоя Маргарита.

(Дневник Паулины N, ноябрь, год 860)

Мы все-таки уезжаем.

Мне сейчас стыдно что я тогда так глупо обрадовалась этой поездке. Я никогда не смогу стать даже на капельку умной, как Нелл – она все замечает. Действительно ехать в богатый и шумный город для того чтобы выходить в свет, плясать на празднествах и улыбаться тогда, когда госпожа Кармина едва упокоилась в могиле, и мне представляется низким и грубым. Она не однократно говорила об этом отцу, но он ее не слушает. Кажется, у него вся голова забита только этими судами с корицей. Еще тяжелее то что Нелл обещала матери не выходить замуж и не покидать этого края. А теперь ей придется нарушить свою клятву. И все из-за какой-то корицы и потому что господин Эней не хочет оставлять ее одну в имении. В конце концов, Нелл могла бы остаться жить у нас, пока он не решит свои дела... Но эти взрослые... Они всегда считают себя умнее и правее только от того что старше! Даже если у них мозгов, как у тетушки Риты. И потом Нелл не нравится, каким ее отец вернулся из Селестида. Она говорит, что его будто подменили, и он ведет себя с ней как-то по другому, будто притворяется чегото ради. Странно слышать об этом. Ведь ее отец такой безхитростный и простой человек что иногда несложно понять, о чем он думает...

*(Письмо Аркадия N Энею d`F (из деловых бумаг, полученных после смерти последнего)
12 ноября, год 860)*

Здравствуй, Эней.

Приношу свои соболезнования ввиду смерти достопочтенной госпожи Кармины. Воистину прискорбно, что она покинула тебя в такую трудную минуту. Наша гильдия скорбит о такой невосполнимой потере.

Однако сейчас не время предаваться унынию и скорби. Настало время для решительных действий, требующих от всех нас максимального внимания и сил. Постарайся взять себя в руки, дружище. Заканчивай скорее с похоронными делами и скорее возвращайся в Эос — ты крайне нужен здесь. Ты и сам неоднократно говорил, что семья ни в коем случае не должна быть помехой твоей жизни и делам. Поскорее приезжай, я обещаю тебе организовать все необходимое, чтобы поднять твой боевой дух. Я даже обещаю тебе знакомство с одной очаровательнейшей особой, которая с удовольствием скрасит твое одиночество. Ты же такой творческий человек, тебе ни в коем случае нельзя киснуть и вариться в повседневных проблемах — они убивают кого угодно, а уж поэтов вроде тебя в первую очередь.

Аркадий.

(Письмо Аркадия N Энею d`F (17 ноября, год 860)

Здравствуй, Эней.

Я предупреждал тебя о последствиях, но ты меня не слушал! Немедленно приезжай в Эос. Кадм и его клан прибывают уже завтра. Я постараюсь оттянуть переговоры, чтобы ты успел приехать хотя бы к их середине. Сильвиев свалила лихорадка, обоих, на Марка рассчитывать не придется — он хоть и сообщает, но говорит нескладно. А люди Юстиниана прибыли только сегодня и наверняка не успеют подготовиться.

Ради Бога, прекрати истерику! Возьми себя в руки! В самом деле я проклиная небеса за то, что они забрали госпожу Кармину — это был единственный человек, способный организовать тебя и позаботиться о том, чтобы эти чертовы бытовые обязанности тебя не касались. Черт побери! Ты позволяешь кучке старых дев и неразумных девок вертеть тобой как угодно! Из-за какой-то ерунды мы можем упустить такое выгодное дело! А то, что ты писал о своей дочке — это отличная мысль. Ты просто обязан показать ее гильдии. Ее симпатичная мордашка сможет сделать больше, чем самые сладкие увещевания Юстиниана. Да даже если она и не пригодится нам на переговорах, ты, как ты верно рассуждаешь, скорее найдешь ей подходящую партию среди эосских толстосумов, чем в провинции. Не обращай внимания на ее капризы — как только она увидит ювелирные и портняжные лавки, все пройдет само собой. Что касается цыганской сказки, я тоже считаю, что не стоит придавать ей значения. В конце концов госпожа Кармина прожила прекрасную и долгую жизнь, не изведав нужды и печалей, и тем самым доказала всю глупость этих деревенских предрассудков.

Я надеюсь увидеть тебя в самом скором времени. Иначе ты сам знаешь, чем это может кончиться.

Аркадий.

В разрушенной башне на берегу моря жила злая колдунья. Ночами она устраивала свои бесовские сборища и плясала бесстыдно вокруг костров. И тогда, предчувствуя беду, жители маленьких деревень запирали свои дома и собирались семьями, чтобы отвести дьявольское колдовство. Но проклятая ведьма все равно спускалась к ним и питалась кровью убитых младенцев. И плакали несчастные матери, и мужчины собирались, чтобы положить конец бесчинствам ведьмы. Они двинулись с колями и вилами на ее нечестивое жилище, и она встретила

их на пороге, смеясь и тряся нечесаными космами. «Глупые людишки, – насмеялась она, – чего вы хотите добиться? В своем невежестве вам никогда не понять истины! Ни один из вас не станет таким, как я!» «Подобные тебе должны исчезнуть с лица земли!» – крикнул смелый юноша и бесстрашно вонзил вилы в мерзкое тело ведьмы. Крестьяне сожгли проклятую башню и нечистые книги, а саму ведьму разорвали на куски и бросили диким зверям.

Эотинская сказка.

(Из опубликованных воспоминаний Паулины N, баронессы Северного Ариэля. Год 902.)

Печаль и озлобленность моего милого друга немало омрачили и мое восприятие этой поездки. Но все же до сих пор я вспоминаю это путешествие как одно из самых незабываемых в моей жизни. Настолько же сильным и радостным, пожалуй, было только свадебное путешествие с моим покойным бароном, когда мы покинули Эос, тяготивший меня, и переехали в Селестиду, в тот самый дом, где мы с детьми живем и поныне. Но тогда я была так наивна и неискушенна, что все казалось мне замечательным. И повозки, разукрашенные алой и белой красками, встречавшиеся по дороге. И корчмы, где мы останавливались на ночь, с их ласковыми фонариками и уютными очагами, возле которых мы с Леонель засыпали, обнявшись. И сама еда, которой мы угощались, в искристых лучах моей фантазии казалась пиршеством богов.

Когда скончалась тетушка Седна, мне, тогда уже замужней и имеющей своего первенца, пришлось отправиться той же дорогой, чтобы разобраться с семейными документами. И с каждым поворотом я разочаровывалась все сильнее – дорога осталась той же самой, но я сама изменилась. Все те же припорошенные снегом тополя, ползучий кустарник, избитая и тяжелая дорога. Харчевни показались мне грязны и темны, огонь недостаточно сильным, поскольку и тогда стояли морозы, и крестьяне берегли уголь и хворост. Еда была простой и безвкусной... Одним словом, я разочаровалась в своих давних воспоминаниях и вновь признала себя глупой, неразумной девчонкой – ведь Нелл тогда сразу же, думается мне, увидела всю незамысловатость и убогость нашей поездки.

Если вы заглянете в Эос, в этот дикий уголок мира нынче, то увидите совершенно иной город. Все изменилось. Изменения эти произошли благодаря одному необычному обстоятельству.

С давних времен на территории эосского княжества жили два народа. Один из них жил на побережье, там, где впоследствии возник и расцвел город Эос, прекрасный, как утренняя заря, в чью честь он был назван и создан с алыми башнями и багряными флагами. Этот народ жил земледелием и рыболовством, привычный к шумным празднествам урожая, к веселым песням, к танцам и играм, что и теперь можно увидеть на фресках в театрах и амфитеатрах этого древнего города. Правил этим народом совет старейших жителей, состоящий из мужчин и женщин, выдающихся своим опытом и умом. Народ этот ни в чем не нуждался, и поэтому в крови его жителей было заложено желание свободы и открытость перед всем миром, честь и достоинство, а его верой была вера в богиню Седну, повелительницу всех плодоносящих сил, приходящую благословить рыбаков в виде рыбки, а жнецов – в виде жаворонка.

Другой же народ жил в северной части долины, где вздымаются высокие горы, земля скудна, а море непригодно к мореходству. Эти люди занимались скотоводством, путешествовали с места на место и сражались племя с племенем за те немногочисленные пастбища, что у них были. Необходимость постоянно заботиться о пропитании сделала их суровыми и негодными к веселью. Среди них не было обычаев петь и плясать, их празднества и почести богам выражались в виде застолий, поражающих своим размахом, когда убивалось количество животных, превосходящее нужды племени. Постоянные войны и то, что пастушеством занимались исключительно проворные и сильные мужчины, привело к тому, что женщины стали

главным доходным товаром между горными племенами. Их продавали, обменивали на скот и берегли так, что никто никогда не должен был их видеть. Владельцы этих живых сокровищ ревниво берегли их от чужих взглядов и рук. В одно время женщины для них стали таким богатством, что самый богатый и выдающийся муж племени имел целый дом женщин, работавших на него, а он приходил поглядеть на них, как скупой приходит полюбоваться деньгами в своей сокровищнице.

Со временем эти два народа разрослись и стали жить бок о бок, перемешались, но жили каждый по своим привычкам. Но однажды случилось так, что огромные волны погубили все поля и разрушили дома народа моря. И тогда народ гор спустился вниз со своими стадами и занял обезлюдевшие места, восстановил порушенный город и поставил над ним своего правителя-патриарха. С того года Эос и начал свою историю. Бывшие скотоводы быстро переняли привычки людей моря, но остались верны своим традициям. А многие из людей моря, взяв корабли, ушли жить на острова, поскольку новые порядки запрещали их женщинам занимать общественные должности, в том числе, поклоняться и служить богине Седне. И жрицы так же ушли, взяв статую своей богини. А новые поселенцы поставили в ее храме статую бычка и поклонялись ему.

Эос, который я увидела, подъезжая в тряской повозке к его стенам, тогда еще не был таким просторным, как сейчас. В то время городом считалась лишь небольшая площадь за белоснежными крепостными стенами, сравнительно небольшой участок, застроенный храмами, вилами дворян и привилегированного сословия. Купцы же, гильдии, лавки, бани, театры, многочисленные площади считались пригородом. И лишь значительно позже, когда я уже жила в Селестиде, а князь Юстиниан, правление которого я застала лишь своей краткой юностью, отошел от власти, и княжество наследовала его дочь, царица Кира, город был расширен и обновлен. Новые стены обняли застроенные земли, новые порты открыли возможности торговли, поднялись новые церкви и административные здания, появилось множество возможностей для творчества мастеров того времени – тех чудесных творцов, имена которых вы все прекрасно знаете, и которые будут восхваляться еще долгие годы. Эти последние годы царствования князя Юстиниана и отчаянная борьба амбициозной и волевой княжны за власть и были декорациями моей юности. Именно эти несколько лет, предшествующие правлению Кире, шла ожесточенная борьба за господство над умами среди двух крупных правящих партий. Одна из них состояла из свиты предшественника Юстиниана, князя Антония – это все были люди знатнейшие, главы влиятельнейших родов княжества, родовитые и богатые. Другие же поддерживали князя Юстиниана и впоследствии его дочь Кире, и были они все пришельцами с островов, теми самыми детьми моря. Их было количеством много меньше, чем консерваторов, но в народе они пользовались уважением за свои благородные поступки, свою открытость и честность. Были среди них и богатые люди, нажившие состояния на морской торговле, в которой они закалились за века существования в море. Эти впоследствии оказали царице многие услуги и помогли удержаться на троне.

Словом, в тот момент шла напряженная борьба между представителями старого и нового порядка, между островитянами и горцами, между традиционным укладом и новыми гуманистическими веяниями. И если в отношении традиций и устоев решить нельзя было, то город претерпевал значительные изменения в своем устройстве.

Так вот город, который я увидела, город древний, скованный старыми порядками и привычками, был узким и тесным. Дома, многоэтажные, едва не смыкавшиеся вверху, тянулись вверх, перебрасывались бельевыми веревками, деревянными мостками, так что порой проще было с верхних этажей перейти в другой дом, чем спускаться по лестницам. Вы и сейчас можете увидеть в центре города эти тесные кварталы, перегороженные заплетенными плющом стенами, с темными колодцами-площадками в центре, с маленькими фонтанчиками и апельсиновыми садами. Эти изукрашенные мозаиками и фресками дома, прячущие внутренние дво-

рики, эти битком набитые всякой всячиной рынки с их полосатыми шатрами над лавками, с тысячами редкостей, с ароматами далеких стран, с колоритными персонажами, запечатленными в шедеврах литературы того времени. Это был тесный, шумный и пленительный мирок. Мирок, в котором по улицам ходили в основном мужчины, а женщины сидели за тяжелыми дверями, нянча детей и появляясь лишь в занавешенных паланкинах и в сопровождении слуг, изукрашенные так, чтобы показать достаток содержащего их мужчины. Это был и мой мир тоже. И хотя я всегда одобряла поступки царицы Киры, порой я вспоминаю и тоскую по прежнему миру. Но тоскую не с сожалением, но с той тоской, какая бывает, когда мы обращаем взор к тому, что уже никогда не вернется.

То время, которое мы с Леонель жили в Эосе, было бурным и крайне восторженным. Князь Антоний был жесток и жаден, консерватор до мозга костей, настолько, что отрицал очевидные вещи и издавал указы, заставлявшие людей жить только так, как жили сто и двести лет назад. В его правление были запрещены многие книги и все, что происходило из других стран, наложены запреты на театры, музыку, танцы. Искусство чахло в религиозном направлении. С пришествием Юстиниана правление приняло другую окраску, и люди вздохнули с облегчением. Появились новые возможности для торговли, творчества, как я уже неоднократно говорила, начали отстраиваться новые районы по новому плану – улицы широкие, светлые, с низкими удобными домами и замечательными тенистыми площадями. Мы с Нелл часто гуляли в сопровождении наших друзей и тетушки Риты по городу, и всюду он был еще неухожен – тут вычищались тинистые болота, тут выкорчевывали запущенный сад, тут разбирали и возводили стену, кругом были леса, стоял рабочий инструмент. Все это создавало волнующую атмосферу перемен. И новые кварталы были бесподобны – сверкал мрамор, порфир, обсидиан, разноцветные витражи и мозаики, яркие свежие фрески, вдоль широких, мощеных травертином проспектов поднимались кипарисы и раскидистые акации, привезенные специально из отдаленных уголков княжества. Нелл очень хотела увидеть окончание строительства, часто ее заставляли с рисунками на руках, когда она представляла, какими будут та или иная площадь и улица в конечном виде. Она много рисовала. И здания, и проекты целых комплексов, и рынки, и цветы, и людей и животных. Она рисовала все время, была ли у нее под рукой бумага или же восковая табличка, мольберт с красками или морской песок. Ее рисунки удивляли многих – в них было что-то фантастическое, затейливое, со множеством деталей и подробностей. К каждому своему рисунку она могла рассказать историю. Но самым невероятным в этом было то, что любой ее рисунок – будь то набросок или неоконченная работа, или же полноценная картина – все они удивительно передавали ее настроение, свою атмосферу, достигали порой удивительных высот в изображении чувства. У меня и сейчас хранится один ее рисунок, я смотрю на него всякий раз, как меня охватывает волнение или раздражение. Он чудесным образом успокаивает меня, и каждый раз я вижу его по-новому, каждый раз мне открывается иная история, новая деталь, хотя я и знаю этот лоскуток бумаги наизусть.

А ведь это всего лишь бегущая по прибою пара лошадей...

(Дневник Паулины N, декабрь, год 860)

Здравствуй, дневник.

Наконец-то я его нашла! Мы собирались так быстро что я действительно думала что оставила его дома. Тетушка Рита постоянно торчала в комнате, рылась в шкафу, вытаскивая одежду, в которой, по ее мнению, я буду ходить в Эосе. Провиряла каждую сумку и узелок так что я даже не знала, как бы и куда мне засунуть дневник, ведь эта старая ведьма не погнушалась бы полистать его и вынести свое ни кому ненужное мнение! В конце концов, стыдно признаться, я сунула его в узелок со старым штопаным бельем, тетушка Рита побрезгавала саваться туда (пишу я со злорадством). Правда этот узелок поприбытии как в воду канул, пока мне вса-

мом деле непонадобилось его содиржимое – тетушка Рита прочитала мне морали что цитирую «раз мы живем под одной крышей с мужчиной, мы должны вести себя прилично». «Прилично»! Ненавижу это слово! Вечно у нее все «прилично», пристойно, как надо! И неважно, что этот «мужчина» – Неллин отец и живет в другой части дома, и никогда не бывает в наших комнатах, и ему нет дела до какого-то мешка с женскими тряпками, и в конце концов почему я немогу держать свои вещи там где мне удобно?! Я не маленький ребенок, я женщина! У меня даже могут быть дети (конечно только тияретически, ведь я незамужем, у меня даже возлюбленного то нет), и меня выводит изсебя, когда она распаривается моими личными вещами, решают что мне одеть в том числе белье и рубашки, и входит вечно без стука, когда я раздвигаюсь. Я вапще ненавижу когда я раздеваюсь или одеваюсь, а она стоит и смотрит на меня! Но ничиго – осталось потирпеть немного и все изменеться! Мы поставим ее на место! Как же я хочу увидеть ее фizeономию когда она увидит ЭТО.

Но по порядку. Я навернаи и в самом деле пишу (а можетбыть и думаю) так путанно, как говорит Нелл. Хотя навернаи все так думают. Сомниваюсь, что бы кто то думал «во первых, во вторых и вот еще... а еще...»

Надеюсь мне удастся найти те маленькие записки, которые я вела в пути. Я записывала все что встричалось мне попути. Я хочу внести эти наброски в свой новый роман. Попути мне пришла в голову такая удевитильная история! Это будет лутшее что я напишу! Мне нетерпится паскарее начать иго, а ище больше – показать Нелл. Я думаю, она с удовольствием прочтает его.

Эос диствительно непавтаримый город. Вызывает самые протеваричивые чувства. С одной стороны он очинь красивый – белые стены, побиленные дома, раскидестые сады и множество деревьев на центральных улицах, мазаичные фасады, кругом кадки для цветов, винаградная лоза (вот навернаи здорово это выглядит весной когда все зеленое), флаги, шатры и навесы, кованные ршетки на окнах и тижолые с пречутливыми кованными деталями двери. С другой стороны – нивынасимая грязь в акраинных кварталах какой нет и в нашей деревне, такие узкие праходы между домами чтоесли сматреть в верх, видишь себя бутто в гробу, плесинь и обвалифшаяся штукотурка, от закаулков несет вонью, на крошичных расвилках ни деревца и кругом заборы и заборы. Рынки на площадях в центре и асобино центральная площадь – удевительное зрелище – мрамарные галлиреи, беласнежные, парфировые и черные, незнаю изчего, колонны с золатыми копителями, с разписными базами. Внутри галлирей прасторные лавки с резными, иззукрашинными ставнями, с мазаичными полами и широкими окнами в поталке, которые закрываются наночь или в дурную погоду ставнями. Даже там, где продают рыбу – удевительная чистота, мрамар, большие бассейны, золото, медь, чиканка. Кровь и грязь смываются в канавы и подземные трубы честейшей водой из аквидукав. Кругом фрески, краски яркие, пестрые, на больших площадях статуи богов и князей в полный рост, ато и на лошадях! Но окраина просто чудовещна – эти развалы лавок с грязными зосалеными шатрами, разбитые гденипоподя, омирзитильная вонь гнелья, рыбы, вопли зазывал, запахи сжегаемых в храмах благовоний, запах конскава помета, хлеба, печной гари, простого дерьма – удушливые, тижолые, такого нет ни в одной деревне, где воздух свежий, а ветир сразу же смывает любой запах. Люди тоже визде разные. В центре они одеты красиво, в дорагую одежду, в хорошую обувь, ходят с тилохронитилями, некоторые женщины едят в палонкинах и одиваются в светлые, свабодные одежды, у некоторых даже нет платков и накидок на головах и открытые лица. Но на окраинах все одеты адинакаво затерто и серо. Мужчины либо нисут поклажу на себе, либо на ослах, а женщины замотанны в балохоны с головы до ног, уродливо перитягивают платками лица, так что по сторонам смотреть немогут, надивают платки по самые глаза, ноги босые, в пыли и улечной грязи... Жалкое зрелище. Еще раз павторюсь – в нашей деревне нет жителей в таком плочевном виде.

Мы остановились в доме, который предложил Неллиному отцу один из представителей их гильдеи. Дом совсем не большой, но чистый и опрятный, у нас с Нелл комната выходит одной стороной на маленькую площадь – жалкий, едва бьющий фантанчик и апильсиновый куст, высокая стена соседнего большого дома с садом – их голые акации и пажухлые пальмы так грустно шумят по ночам. С другой стороны окна выходят прямо в окна соседнего дома. Тетушка Рита приходит едва начнет смиркаться закрывать окна ставнями чтобы «за нами не падсматривали» или не падсматривали мы. При этом она злорадно смотрит на Нелл, будто намякая что она о ней самого дурного мнения.

Нелл удевляет меня. Она всегда была решительной и настойчивой, но я бы ни когда не подумала что она умеет так отстаивать свое мнение и добиваться того что хочет. Когда мы пре-ехали, тетушка Рита выбрала другую комнату, в другом углу дома, довольно темную и сырую, с окнами на голую стену, с делавым видом распорядилась, где кто будет спать. Я так растроелась – мне совсем не хотелось жить вместе с ней. Дома я уш как то смагла выбить себе возможность жить в сопственой комнатке. А Нелл темвремением ходила по дому, подождала, пока тетушка разложет свои вещи и устроит кровать, а потом сказала, стоя в дверях – такая независимая, спокойная, будто царица – в доме, говорит, так много комнат, нестоит всем ютится в какой то жалкой темной коморке. Ах, говорит, тетушка, вы уже выбрали себе место. Чтож, мы с Пау-линой небудем мишать вам. Я сама буду жить вон там – и она показала на эту комнатку. Я конечноже, поддержала ее, и мы быстро убрали комнатку и расположили в ней свои вещи, Нелл вызвола мальчишек, которые привизли вещи, как настоящая хозяйка, с такой властной асанкой и решительным голосом! И папросила их пиренести наши кровати. Так мы посилились здесь, а тетушка Рита живет в той комнатушке с видом на стену. О, она конешно же, ябидничала господину Энею, но тот ее неслушал – Нелл ему объяснила что мы с ней будим жить в двоим и точка. Как она это говорила! Я ей просто восхещалась!

Сразу же после этаво мы отправелись гулять. Нелл разбрасала по кровати свои платья, выбрала самое светлое и легкое и тут же, нестесняясь тетушки Риты, маячевшей в дверях и варчавшей гадости, надела его, убрала прикрасными гребнями госпожи Кармины свои волосы, посматрелась в зеркальце и сказала, что она нестанет одевать ни накидки, ни платка, разуж мы преехали в столицу и местные женщины неносят «этого старья»! От «старья» тетушка Рита аж подпрыгнула! Тогда я тоже сняла платок с лица и оставела одну легкую вязанную накидку на волосах и мы не медленно выбижали на улицу. Тетушка Рита погналась за нами и всю прогулку шла по зади с красным от ярасти лицом, ну точно ведьма! Губы поджаты, глаза налелись кро-вью, нос крючком! А мы весило болтали, смеялись, улыбались, не стисняясь. На нас пагляды-вали мужчины и женщины, мы улыбались им, они улыбались нам. Прогулка была чудестной! За ужином тетушка Рита начала было отчитывать нас перед господином Энеем, но Нелл леди-ным голосом заявила что небудет посмешищем для эосских горожан в старом платье, а хочет выглядеть нехуже придворных модниц. Господин Эней обрадавался, видя ее такой виселой и сказал что вечером покажит нам лутшие лавки в городе. Как член гильдеи, он даже покупал все дишевле. А мы с Нелл накупили кучу красивых вещиц – зеркольца, рашески, кошилечки, укрошения и, конешно же, платья. Теперь мы выглядим как настоящие эосские горожанки, а тетушка Рита давится от злости. Мы гуляим такие легкие, в цветных прасторных платьях, с золатыми вышетыми поясами, в тонких сондалиях, с лентами и венками на головах, а она пли-лась с зади по жаре, облеваясь потом, в своем черном болахоне, с тяжелым плащом на плече, с массивной брошью на горле, завязанным черным шарфом, в толстой накидке посамые брови и своих сапожищах поколено на кожаном истертом шнурке... мне ее даже жалко – старуха ни когда непоймет радости быть красивой.

(Рисунок. Простая писчая бумага в крупное зерно, неровная, края обтрепаны и измяты так, как сминается лист, постоянно закладываемый между страницами. Сухенький, тонень-

кий карандаш выцвел и поблек, изображение стало цвета хны, многие линии практически исчезли, оставив только острые царапины по бумаге. Фон – комната – написан схематично, в общих чертах, наброском, не отвлекая зрителя от центральной фигуры, но при этом не смотрится неоконченным. Наоборот, легкие, резкие, быстрые линии передают большое количество света и воздуха, льющегося через узкие, но высокие окна. В простом кресле сидит Паулина. Она написана в той же небрежной манере, но основной акцент сделан на ее глазах, губах, руках. Несмотря на вольное обращение со светотенью, пренебрежение к мелочам и деталям, и общую образность картины, девушка выглядит живой и, более того, кажется, что сейчас это простодушное, смешиливое, застенчивое лицо шевельнется, чуть передвинется мягкая ямочка на щеках, превратившись в кроткую улыбку, моргнут и смущенно опустятся веки. Паулина, чуть наклонившись, с надеждой и робостью заглядывает в лицо зрителю. Волосы распущены и перевязаны лентами. На ней легкая туника, струящаяся с плеч и мягко скрадывающая пышные формы тела, руки свободно лежат на коленях, чуть соприкоснувшись пальцами. Одна прядь волос качнулась вперед, кисть пояса наклонилась, плечи чуть поданы вперед – девушка вот-вот поднимется навстречу. Внизу тонкая, бисерная подпись – Паулине от Леонеллы).

(Дневник Паулины N, декабрь, год 860)

Наконец то я могу продолжить свои записи. Наша старая ведьма постоянно подтем или иным придлогом входит в комнату и только и ищет повода высказать свое нидовольство. Но севодня Нелл тайком привила какого то мальчишку, который не много показывался возле нашей двери, и типерь мы можем закрывать комнату на замок! Тетушка Рита в ярасти, но меня это уже небеспокоит главное что мы с Нелл можем позволить себе наслождаться тишиной и занематься тем, что нам нравется.

Когда мы не много освоились, господин Эней повел нас в лавку где было много старинных вещей. Там было много людей, одетых богато. Все они, похоже, были его друзья-купцы и они стояли в низу и патом поднемались по лестнице на верх. Господин Эней разговаривал с этими важными людьми, знакомил их с Нелл и со мной. Но Нелл такая гордячка, она почему то разозлилась и ни кому ни чего неотвечала. Но глаза у нее горели, как у дикой кошки. Уже когда мы вирнулись после прогулки, она пробармотала – «выставил как скатину на смотрины». Вот почиму она так? Что таково в том, что бы познакомиться с друзьями отца? Он к ней так добр. Мои вон если и приглошают меня в свой дом, то видут себя так, будто я им гость какой чужой, а не дочь родная... Мне всигда это было так обидно.

А еще мы купили в той лавке картину. Нелл сразу как увидила ее, так и неотходила. Картинка диствительно замичательная – она маленькая, написана на доске, совсем выцвитшая, должнобыть, очень старая. Интиресно, кому она принадлежала раньше? Вотбы вещи умели рассказывать! Эта дощечка рассказала бы нам множество удевительных историй. Навирняка эту женщину нарисовал кто-то, кто ее очень любил... А какие у нее глаза!

Вчера мы были вместе с господином Энеем и тетушкой Ритой в гостях у одного вель-можи. Я ни когда невидела более красивого дома! Когда я вырасту и выйду замуж, я зделаю у себя в гостинной точно также – обизательно эти ниши с цветочными вазами и эти низкие кровати прямо перед окнами в сад, что бы лежать на подушках навиду. Хоть Нелл и говорит что это полная бесвкусеца. А какие все были нарядные! Играла музыка, кругом были цветы! Мне так хотелось танцевать, я все ждала, чтобы и меня пригласили, но ни один из этих красивых юношей неподошел ко мне. Все они увевались вокруг одной девчонки, а потом и Нелл сама подсела к ней и весь вечер просидела там. Совсем меня бросила! И сейчас сидит пишит ей письмо, а на меня ваппе внимания необрощает. Вот небуду с ней разговаривать.

(Из опубликованных воспоминаний Паулины N, баронессы Северного Ариэля. Год 902.)

Первые наши месяцы в Эосе пролетели в каком-то стремительном вихре. Надежды, мечтания, роскошь и загадки неизведанного города манили и пьянили нас. Отец Нелл знакомил нас со своими друзьями, нас приглашали на празднества, блестящие мероприятия ошеломляли... Конечно, все это было далеко не так, как теперь. Все это происходило за закрытыми дверями, в садах, обнесенных высокими стенами, где собирались только самые избранные, и большая часть времени отводилась на строгий этикет и церемониальные приветствия. Правление юной царевны изменило многое, и светскую жизнь в том числе. Теперешние триумфальные шествия будут, пожалуй, торжественнее прежних, ведь нынче роскошь и золото уже не считаются чем-то необыкновенным и редкостным. Тогда же каждый, у кого были драгоценный перстень или дорогой кусок ткани, пытались выставить их на виду, и порой на празднества зажиточные горожане надевали все свои богатства, не считаясь с тем, как они подходят ему и сочетаются друг с другом.

На одном из таких вечеров мы и познакомились с одной небезызвестной в городе группой, которая, к моему прискорбию, оказала сильное влияние на мою бедную подругу и привела ее к гибели.

Группа эта образовалась вокруг Фелисии S, и сейчас еще известной в свете. Ни для кого не секрет, что эта незаконнорожденная дочь одного высокого лица долгое время жила в Эосе инкогнито, не обладая ни властью, ни богатством, ни какими-либо связями. Однако ее невероятные личностные качества вопреки ее презираемому происхождению вознесли ее на невиданные высоты. Мне она не понравилась, тем более, что знакомство с ней вызвало у меня страшную ревность по отношению к Нелл. И тем не менее, даже тогда, плача в подушку, я не могла не признать, что увидела девушку, далеко выдающуюся из ряда всех остальных. Фелисия в молодости была совсем не хороша собой. Это сейчас светский лоск и окружающая ее аура почитания и вождения придает ей особый шарм и очарование, но если бы выглянули на нее глазами несведущего человека, вы не нашли бы ее внешность заслуживающей внимания. Была она худа, скуласта, все ее лицо было каким-то неправильным и весьма несимметричным – нос с горбинкой, один глаз несколько меньше другого, губы, вроде бы правильные, при улыбке искривлялись в сторону. Что в ней было действительно вызывающим зависть – так разве что длинные, темно-каштановые волосы, касавшиеся земли. Ей не нужно было бриллиантов, и сколько помню ее, она никогда не украшалась ими, только повязывала расшитые золотом ленты в волосы и становилась самой нарядной среди женщин праздника. И, хотя внешность делала ее несколько не привлекательной, ее манера держаться, чудесная грация, особенно в танце, мастерское владение голосом, а так же необыкновенный ум с лихвой исправляли ее внешние недостатки. Моя нелюбовь к ней быстро улетучилась, стоило мне ее узнать. Необыкновенно обаятельная и остроумная, она и сейчас, несмотря на возраст, является объектом внимания сегодняшних званных вечеров. Что в ней вызывало порой неприязнь – так это ее вызывающее поведение и дерзкий язык. Она любила шокировать и удивлять, позволяла себе такие выходки, на какие не решилась бы ни одна женщина, обладающая именем. Но у Фелисии не было фамильного имени, не было семьи и она, не принадлежа ни одной сословной ячейке, противопоставляла себя всему свету.

Ее постоянным спутником был некий безродный и безвестный студент из Селестиды по имени Помпей. Он тогда начинал писать и подавал большие надежды. Что с ним сейчас стало, я не знаю. Кажется, он уехал куда-то на север и там остался, я вообще плохо его помню, разве что то, как он постоянно что-то писал на коленке и захлеб читал отрывки из своего ненаписанного романа.

Третьей в их постоянной компании была девушка по имени Сильвия, дочь одного из лучших друзей господина Энея. Миловидная темноволосая девушка, она умела вернуть в разговор шутку и производила приятное впечатление. Я подружилась с ней скорее, чем с остальными, и мы часто потом прогуливались по городу вместе. Она любила читать те же книги, что нравились мне, и я с удовольствием с ней их обсуждала, поскольку Нелл всегда укоряла меня и презирала книги такого рода. Кроме того, Сильвия тоже писала и мы скоро нашли общий язык.

(Фелисия S. Леонели d`F, 4 января, год 861)

Здравствуй, Нелл.

Мы с Помпеем и другими условились, что не будем использовать в обращении друг к другу эти длинные именные титулы и велеречивые обращения. Поэтому прошу, не называй меня больше «госпожой», тем более, что, хоть мои настоящие родители и известные в народе лица, я была рождена вне брака и милостью отца отдана на воспитание в семью его приближенных. Не удивляйся, милая, что я так открыто говорю тебе об этом, поскольку, во-первых, ты мне очень нравишься и я уверена, что вскорости мы станем друзьями, а во-вторых, Сильвия проболталась об этом Августе-маленькой, а та Августе-большой, а как известно, что известно нашей разлюбезной Августе, то известно всему миру... Так что скоро это, увы, перестанет быть секретом, говорю я с легкой улыбкой.

Что касается нашего недавнего разговора, то зря ты принижаешь собственные достоинства. Поверь мне, я знакома с доброй половиной этого города и твердо могу тебе сказать – среди них очень мало и мужчин, способных самостоятельно мыслить, а уж среди женщин этих выдающихся особ можно перечесть по пальцам. Я очень рада, что судьба свела меня с тобой – ты не представляешь, что значит встретить человека вроде тебя в таком болоте, – это все равно, что глотнуть чистой воды после долгой дороги. Наверное, тебе мои слова покажутся глупыми, но я могу объяснить. Извини, начать придется несколько издали.

То, что творится сегодня в Эосе, на мой взгляд, можно описать двумя словами – грядут перемены. Ты быстро здесь освоишься и скоро почувствуешь, как это переменчивое настроение витает в воздухе. От князя Юстиниана можно ожидать многих самых необыкновенных свершений – он провел юность в Селестиде, этом пульсирующем сердце благородных умов. А его дочь получила самое изысканное воспитание, общалась с самыми известными учеными и мыслителями наших дней. Они говорят о необходимости перемен. Публичные наказания, самосуды, пытки, насилие, работоторговля, собачьи бои и бесправие женщин должны быть прекращены! Мы не дикари, время слепого повиновения гадалкам по бычьему помету прошло! Времена изменились, изменились мы сами, старые порядки сковывают. Но кроме княжьей семьи, да еще небольшой горстки людей, никто не чувствует нужды в этих переменах. Толпа безвольна, бездумна и бестолкова. Как слепо и послушно она следует традициям, не желая их понимать. Среди большинства этих невежественных, ограниченных людей порой встречаются единицы, обладающие живым умом, жадной знаний, различными способностями. Но жесткие рамки общественных приличий, устаревших и бессмысленных традиций душат и давят таких. Вспомни как обошлись с Астерием сорок лет тому назад... Его разорвали конями, а ведь он всего лишь предъявил доказательства ложности того, что считалось общепринятой догмой. А сколько было таких, как он?

Но ближе к тому, что волнует меня. Юстиниан дал нам, женщинам, некоторую возможность к более достойному существованию – по крайней мере мы можем теперь получить кое-какое образование и спокойно перемещаться по улицам. А двадцать, пятьдесят, сто лет назад наши матери и бабки были как животные, заперты в четырех стенах, не зная ничего об этом мире, обреченные даже думать и поступать согласно принятому канону, насиловать свою природу или же отказываясь думать вообще, если все раз и навсегда за них решено.

Но надолго ли это? Позволят ли царевне занять его место? Кто знает, может, следующий правитель будет еще хуже Антония, и задушит самые предпосылки свободы в корне? Так вот пока у нас есть такая возможность, нужно действовать, нужно сделать мечты потребностями не только такой жалкой кучки людей, как я со своими друзьями и немногие приверженцы княжны, а всего общества. Поскольку то, что у большинства входит в привычку, крайне неразумно у него отнимать.

Многие осуждают меня за мои мысли и образ жизни. Но все это не для того, чтобы заявить о себе или «разрушить мир», как твердят у меня за спиной. Мне просто кажется, что бог дал каждому голову, чтобы ею думать, и ноги, чтобы идти своим путем. А не необдуманно принимать принятые когда-то и для чего-то правила, годные не для всех, и идти проторенной дорогой. Я не интриганка и не политиканка. Я никого не натаскиваю ни для чего. Все, что я хочу – это помочь людям, похожим на меня, доказать им, что они имеют право на выбор, что если они думают иначе, чем все, то это не болезнь и не отклонение. Я много думала, что такое счастье, почему так мало людей действительно счастливы. Я поняла, что счастье не бывает общественно признанным и навсегда узаконенным обычаем. Счастье для каждого свое. И чтобы понять, что для тебя счастье, чтобы понять, как его получить, как жить в гармонии с собой и другими, нужен прежде всего чистый разум, свободный от предрассудков, лжи, от всего шаблонного и навязанного.

Но это невыносимо сложно. Общество всегда подавляло единицы. И традиции в лице невежд сильнее и живучей всего.

Я думаю, ты меня понимаешь. Я видела, с кем ты пришла. Таких, как эта старуха тут тысячи – ханжи, лицемерки, домашние тиранши. Мне жалко твою подружку Паулину – она милая, наивная девочка, не слишком умна, но у нее доброе сердце. Я часто встречала таких – безвольное податливое создание в руках дракона. Пока ты рядом с ней, она послушно идет за тобой и, хоть сама с трудом отыскивает собственную мысль, искренне тебе верит и принимает твои слова. Но рано или поздно ты ненадолго теряешь контроль над неразвитым умом такой овечки и дракон хватает ее своей пастью. Из них получают отличные жены – послушные, добродушные, трусливые и бесконечно преданные предрассудкам.

Не подумай, что я сказала это, чтобы обидеть тебя. Вот пример. Одна из женщин, с которой я хотела бы познакомить тебя – старая консулыша. Она давно вдова, живет с сыном и его семьей. Это очень милые, образованные люди, у них часто бывают вечера, куда приходят многие ценители и творцы искусства, читают, пишут, разговаривают. У консулыши была дочь, чудесное дитя, прекрасный голос, отличный слух, ангельская внешность... К сожалению, характером она была слаба и не тверда. Пока она жила с матерью, той удавалось держать ее в нужном русле, развивать ее талант, говорить с ней о философии и науке. Я охотно поддерживала старую консулышу, поскольку мы с Эстель, ее дочерью, дружили едва ли не с детства. Но потом Эстель влюбилась и перестала нас слушать. Консулыша выдала ее замуж, благо тот юноша был достойным и неглупым человеком. Я уезжала тогда на несколько месяцев, а когда вернулась, ее не узнала. Это была совсем другая девушка – она перестала петь, замкнулась на доме, хотя муж не препятствовал ее прогулкам и возможным встречам со старыми друзьями. Говорила только о домашних делах, о делах ее мужа, считала правильным то, что считал правильным он, любила то, что любил он. Не пойми меня превратно, милая Нелл. Да, ухоженный муж и опрятный дом это здорово, но это не все, что должно составлять мир женщины, не правда ли?

Многие осуждают меня за такие слова. Считают, что я хочу разрушить общественные традиции, не чту святость семьи и так далее... Но это не так. Я хочу только доказать многим, что кроме обязанностей, возложенных на нас природой, мы обладаем и другим – своей душой, мы больше, чем производящее детенышей животное или рабочая сила. Мы ценны собой, своей самостью, а не фактом нашей принадлежности к роду или общественным статусом! А кроме

того, иные из нас владеют истинными дарами – возможностью чувствовать прекрасное, что обычно быстро угасает за повседневной бытовой жизнью...

Увы, сама я не одарена особыми талантами – все, чего лично мне удалось достичь – это с трудом тренькать на гитаре простенькую мелодийку. Но талант, возможность творить и общаться с миром искусства – это привлекало меня всегда. Я всей душой тянусь к этому недосягаемому миру, я хочу общаться с теми людьми, которых коснулась милостивая и щедрая рука богов. Надеюсь, и ты полюбишь моих друзей, как люблю их я. Я не богата и пансион, получаемый мной от моих родителей не так велик, как твердит молва, но большую часть этих денег я стараюсь тратить на то, чтобы мои друзья не нуждались ни в чем. Не знаю, как относятся к художникам и поэтам в ваших краях, но тут, в Эосе, это одно из самых позорных ремесел, как это ни прискорбно. Уличная молва считает писателя или художника мазилой и лентяем, ничтожеством по сравнению с каким-нибудь гончаром или портняжкой. И порой действительно одаренным людям очень и очень тяжело содержать себя. Искусство требует совершенства, времени, оно капризно, как ребенок. Его сложно сочетать с тяжелой работой... Думаю, все это тебе понятно и так, милая Нелл.

Я посылаю тебе вместе с этим письмом книжечку. Ее написала сама княжна, и эта книжечка посвящена женщинам. Ты найдешь там много интересных мыслей. Обсудить их у нас с тобой вскоре будет отличный повод – я сама, от своего имени дам званый вечер. Придут все мои друзья и еще должны прийти многие из «высших слоев». Как говорит Помпей – «у лука или апельсина верхние слои никуда не годятся, и наши „верхи“ такая же дрянь», на них не придется рассчитывать, более закоснелых людей сложно найти. Но среди них водятся несколько весьма тщеславных дам и не менее озабоченных своим величием мужчин, которые озабочены показать себя просвещенными и передовыми людьми – пусть сеют, ведь семена могут упасть на нужную почву. Кроме того, есть у меня еще кое-какие идеи, но их я тебе опишу в следующем письме.

До скорой встречи,
Твоя Фелисия.

(Леонель д'Ф Фелисии S, 5 января, год 861)

Здравствуй, Фелисия.

Над тем, что ты рассказывала, и я думала часто. Правда, мои родители всегда обращались со мной мягко и не запрещали заниматься тем, что мне нравится, но я понимала, что они не держат какой-либо надежды связать мое будущее с чем-либо иным, кроме как с удачным браком. Хотя уместнее сказать, что таковы планы моего отца – ведь я тебе рассказала, что думала про это моя милая мама. В родительском доме я никогда не чувствовала себя обделенной или обиженной, как впрочем, и женская челядь — ведь отца практически никогда не было дома и всем управляла мама, самое справедливое и ласковое существо в мире. У нас и слуг было совсем немного, так что мир нашего дома был совсем-совсем маленьким. Никакого церемониала, упаси Господи, у нас не существовало, наверное оттого, что древний род матери сам по себе был переполнен духом свободы и не терпел никаких ограничений в чем бы то ни было. Но наш дом находится довольно далеко от деревень и поселений, так что мне приходилось уезжать на учебу и жить в семье Паулины. Прошло много времени, прежде чем я повзрослела и научилась игнорировать Маргариту, меня обижали ее нападки и трудно было мириться с дурацкими правилами в их доме. Я всей душой ненавидела оставаться у них, с отвращением терпела, когда Маргарита, как большая черная ворона, налетала на меня в коридоре и раздражалась долгими нравоучениями, от которых у меня начинало покалывать в пятках, а в ушах на день сохранялся звон. Одно из самых ранних моих воспоминаний, видимо с которого и началась моя неприязнь к этой женщине – я стою у окна, из сада льется свет, вся галерея пронизана светом, как

гигантский аквариум, цветет жасмин, и этот запах всюду, как будто осязаемый. Я стою в этом душистом свете и жду, когда Маргарита прекратит орать. Но она заводится все сильнее и у нее изо рта летят брызги, а сам рот похож на шамкающий рот караса – вверх-вниз. Все во мне рвется бежать отсюда в светлый сад, где как будто бы творится какое-то волшебство, так там все прекрасно, ясно и тепло, но я не смею, пока старуха не кончит свои проповеди. Я жду, а за окном по веткам прыгают и весело чирикают птички, скачут, вольные полететь куда угодно, а старуха видит, что я вовсе не слушаю ее. Тогда она схватила меня за руку и увела в самый северный угол дома и там заперла в чулане до ужина. Я, кажется, помню еще и то, почему она подняла крик. Она увидела, как я выбежала из классной комнаты, чтобы посмотреть на сад, и у меня развязался чулочек. Мне было лет шесть-семь, я была совсем одна в галерее, и я подняла юбчонку, чтобы его подвязать. И вот за это я поплатилась. Звучит нелепо, я знаю, у меня и тогда на долгое время осталось странное ощущение огромной нелепости всей жизни в доме Паулины.

Я никогда не принимала и не пыталась понять их. Я просто изначально смотрела на них так, как смотрят на какую-нибудь диковинку, странное чужеземное животное. Конечно, я не могла показать им, что считаю их привычки глупыми и смеюсь над ними, хотя иногда я и не могла удержаться от дерзкого словечка или тихой насмешки. Узнай они об этом, они умерли бы от злости, ведь они так привыкли считать себя серьезными и важными. И в моменты соблюдения ритуалов, вроде сбора всех вместе на проповеди (слуги стали дерзки на язык, надо обручать) или посиделки в тишине с каменными лицами (воздерживаемся от веселья), я едва удерживалась от смеха, сравнивая чопорную, с поджатыми в сморщенную точку губами Маргариту с надменной гусыней, которая, чувствуя себя королевой всего двора, величественно выплывает в грязь полуразвалившегося хлева.

Они живут так, будто играют на сцене. Как будто на них постоянно смотрит кто-то со стороны, хотя их дом меньше нашего, слуг у них не много, а с людьми из деревни возле их усадьбы они не общаются, презирая их. То есть, всю театрализованность-то никто по сути и не видит. Да и те же слуги относятся к ним вовсе без почтения, как бывает в иных домах с хорошими хозяевами. Будучи совсем малышкой, любимицей толстой добродушной кухарки, которую потом выгнали якобы за пересоленный суп, я часто сидела в кухне, когда слуги ели, и слушала их разговоры, простые разговоры простых людей. В которых, однако, было столько душевной открытости, раскованности, которой никогда не было ни у одного гостя Маргариты. Может быть, часть моей неприязни к семье и порядкам в доме Паулининых теток я приняла от слуг, поскольку они считали Маргариту старой чудачкой, а к Седне, которая после тяжелой болезни повредила слегка рассудком, со снисходительностью. Может быть и так, только эти люди были мне по духу намного ближе и приятнее, с ними у меня было больше общего, чем с Паулиниными тетками, запершими сами себя в такой же темный, душный и узкий мирок, как тот чулан.

Каждый день у них подчинен строгому регламенту, причем сами они уже не знают, зачем делают то или это. Например, тетушка Седна мне рассказывала о своем детстве. Она мне как-то говорила, что их мать долгое время рожала мертвых детей и бабки в деревне решили, что это порча... ну ты знаешь этих деревенских лекарок – если они и дают тебе способное помочь лекарство, то мотивация у них всегда на уровне пупка. Бабки посоветовали найти целебную статуэтку и повесить ее на видное место. И вот нашли такую штуку, повесили и каждое утро перед завтраком женщины собирались и смотрели на нее, чтобы «семья укрепилось». Ну и с тех пор видимо все пошло хорошо, поскольку та женщина вырастила потом пятерых дочерей. Статуэтку эту впоследствии отдали другой бездетной, но Седна, Маргарита и мы с Паулиной по утрам были вынуждены стоять по полчаса молча и недвижно, уставившись в пустую стену. Теоретически, это должно было призвать благословение и сделать нас всех плодовитыми – равно как детей, так и незамужних теток (Кстати, мы с Линой в те детские годы постоянно

плакали и боялись, как бы это «семя» в нас не «закрепилось». И так было довольно долго, пока мама не опровергла все эти глупости).

Она изводила нас с Линой постоянно. Не было ни минуты, когда она не пыталась бы показать нам, какое мы ничтожество перед ней. Пользуясь возрастом, она вынуждала нас против нашего желания слушать, как она вслух читает Седне нравоучительные книжки, будто немолодая Седна была школьницей, рвущейся натворить дел с ровесниками. Запирала нас в комнате в самые ясные дни, чтобы мы «приучались к воздержанию» – так она говорила, видимо подразумевая добровольное заключение от мира и удовольствий (солнце тоже было в черном списке). По ее мнению, (т. е. по традиции) нужно было делать только полезное, например, шить. Делать то, что мало пригодится в жизни, но доставляет радость, например, рисование, не имеет смысла и подобные занятия надо пресечь. Постоянно унижала, сравнивая нас с какими-то подругами ее детства, оскорбляла мою мать, высмеивала героев книг, что мы читали. Сначала я ненавидела ее, потом презирала, потом мне стало жаль эту ограниченную невежественную женщину.

Книг дома не держали, поскольку в их время книги были запрещены. Существовал только один учебник, содержащий правила поведения, религиозные догмы и запреты. Впоследствии прибавилось еще пара томов разных сборников, но ни научных, ни философских, ни светских книг у них не было. Прием гостей был для меня, ненавидящей церемониал, пыткой. И уж тем более невыносимо было слушать их незатейливые разговоры, в основном, сплетни – которая родила, которую осудили за измену, которая некрасиво оделась и ее все засмеяли. Ненависть, страстное желание чужого падения, чужой интимности, но не в виде сопереживания, а в виде копания в чужом белье, за спинами, полусшепотом. Все, что у них было, все, чем они живут – все это досталось им в неизменности от их матери, бабки, прабабки, безликие вещи, бесчувственные идеи. И полная уверенность в том, что только так и нужно жить, что только эти древние порядки и есть единственная истина, непреложная и не подлежащая сомнениям.

Ты в письме сказала, что тебе жаль Паулины. Я думаю, жалость не то слово, уж очень в нем много унижающего. Пожалуй, что-то вроде жалости я испытывала, когда уезжала наконец домой, а она стояла на дороге — удаляющаяся фигурка на фоне шелестящих лип, и все махала и махала, пока совсем не исчезала в зелени... Хотя не жалость, нет... Скорее сочувствие, что ли... Уезжая, я всегда испытывала некую боль и тоску, но не оттого, что прощалась с Линой, но все больше потому что я ощущала, как ей не хочется уходить с дороги, возвращаться в серый, унылый дом к своим теткам, в одиночество без меня. Вдвоем мы были что-то вроде противостояния застылой старости, а одна она оставалась беззащитной перед грубостью и невежеством Маргариты, еще и оттого, что она податливая и мягкая, ее легко обидеть. Я люблю ее и понимаю. Я ощущала, как ей одиноко там — хоть я старалась расшевелить ее, в ней всегда сохранялось воспитание теток, что-то вроде неосознанной боязни людей, боязни показаться неловкой, неправильной с другими. Она сторонилась других детей с самого того времени, что мы знаем друг друга. С детьми ее круга она не находила общего языка, потому что внутри они были пусты и неинтересны ей, а с простыми детьми не играла оттого, что, кажется, чувствовала привитую ей Маргаритой разницу между ее сословием и их. И я всегда, покидая ее, я испытывала что-то вроде укора, ведь я уезжала к морю, к своим острым скалам и чайкам, к любимой маме, ко всему легкому и непринужденному (разумеется, когда не было отца).

Не пойми меня превратно, Лис, но мне кажется, ты слишком резко оцениваешь людей. Ты снисходительно смотришь на Лину, считая, что ей никогда не оторваться от простого и банального. Но, честное слово, не стоит смотреть на нее как на неразумного ребенка. Да, она наивна и открыта, но эта доверчивость не от глупости, а от искренности. Вряд ли ты найдешь более нежное и чистое создание, не ищущее себе ни выгоды, ни корысти. Вот чего в ней быть не может, так это лицемерия. Она добрая, бесконечно добрая и отзывчива к чужой беде. Я рассказывала уже, что она пишет. Да, честно сказать, это не шедевры, но ведь с чего-то надо

начинать, да и кто из нас не писал в детстве стихов или прозы, а после в старшем возрасте, смеялся над ними? Знаешь, она могла бы писать замечательные сказки. У нее удивительное восприятие мира, незамутненное и неиспорченное, как у детей, она и в играх всегда умела найти и развить ощущение какого-то волшебства и чуда. Пока Маргарита не прошла в своих морях по сказкам, феям и мифическим существам, Лина потрясающе рассказывала самые настоящие чудесные сказки! Но эта резкость ее непоправимо надломила... Сколько я не заговаривала с ней об этом, она считает несерьезным и глупым сочинять волшебство, а тяготеет к «серьезной» прозе... И, увы, это не ее жанр...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.